





Михаил БУЛГАКОВ



ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПЬЕС, ФЕЛЬЕТОНОВ И ОЧЕРКОВ В ОДНОМ ТОМЕ



Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2014

УДК 82-312.9(02)
ББК 84Р6
Б90

Серия основана в 2007 году

Иллюстрации
А. Акишина

Булгаков М. А.

Б90 Полное собрание пьес, фельетонов и очерков в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 1087 с.: ил. — (Полное собрание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0596-1

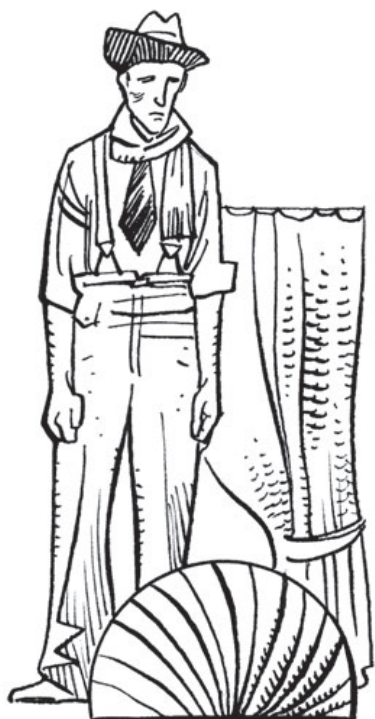
В один том собраны все пьесы, фельетоны и очерки одного из самых загадочных и талантливых русских прозаиков — Михаила Афанасьевича Булгакова (1891 — 1940), чьи произведения вошли в золотой фонд мировой классики. Вместе с ранее изданным полным собранием романов, повестей и рассказов в одном томе эта книга составляет полное собрание произведений М. А. Булгакова.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84Р6

ISBN 978-5-9922-0596-1

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010

ПЬЕСЫ



ДНИ ТУРБИНЫХ

Пьеса в 4-х актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Турбин Алексей Васильевич, полковник-артиллерист, 30 лет.

Турбин Николка, его брат, 18 лет.

Тальберг Елена Васильевна, их сестра, 24 лет.

Тальберг Владимир Робертович, генштаба полковник, ее муж,
35 лет.

Мышлаевский Виктор Викторович, штабс-капитан, артиллерист,
38 лет.

Шервинский Леонид Юрьевич, поручик, личный адъютант гетмана.

Студзинский Александр Брониславович, капитан, 29 лет.

Лариосик, житомирский кузен, 21 года.

Гетман всея Украины.

Болботун, командир 1-й конной петлюровской дивизии.

Галаньба, сотник-петлюровец, бывший уланский ротмистр.

Ураган.

Кирпатый.

Фон Шратт, германский генерал.

Фон Дуст, германский майор.

Врач германской армии.

Дезертир-сечевик.

Человек с корзиной.

Камер-лакей.

Максим, гимназический педель, 60 лет.

Гайдамак-телефонист.

1-й офицер.

2-й офицер.

3-й офицер.

Юнкера и гайдамаки.

I, II и III акты происходят зимой 1918 года в городе Киеве. IV акт — в начале 1919 года.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Турбиных. Вечер. В камине огонь. При открытии занавеса часы бьют девять раз и нежно играют менуэт Боккерини. Алексей склонился над бумагами.

Николка (*играет на гитаре и поет*).

Хуже слухи каждый час.
Петлюра идет на нас!
Пулеметы мы зарядили.
По Петлюре мы палили.
Пулеметчики-чики-чики...
Голубчики-чики...
Выручали вы нас, молодцы!

Алексей. Черт тебя знает, что ты поешь! Кухаркины песни. Пой что-нибудь порядочное.

Николка. Зачем кухаркины? Это я сам сочинил, Алеша. (*Поет.*)

Хошь ты пой, хошь не пой,
В тебе голос не такой!
Есть такие голоса...
Дыбом встанут волоса...

Алексей. Это как раз к твоему голосу относится.

Николка. Алеша, это ты напрасно, ей-богу! У меня есть голос, правда, не такой, как у Шервинского, но все-таки довольно приличный. Драматический, вернее всего, баритон. Леночка, а Леночка! Как по-твоему, — есть у меня голос?

Елена (*из своей комнаты*). У кого? У тебя? Нету никакого.

Николка. Это она расстроилась, потому так и отвечает. А между прочим, Алеша, мне учитель пения говорил: «Вы бы, говорит, Николай Васильевич, в опере, в сущности, могли петь, если бы не революция».

Алексей. Дурак твой учитель пения.

Николка. Я так и знал. Полное расстройство нервов в турбинском доме. У меня голоса нет, а вчера еще был, учитель пения дурак, и вообще пессимизм. А я по своей натуре более склонен к оптимизму. *(Трогает струны.)* Хотя ты знаешь, Алеша, я сам начинаю беспокоиться. Девять часов уже, а он сказал, что днем придет. Уж не случилось ли чего-нибудь с ним?

Алексей. Ты потише говори.

Николка. Вот комиссия, создатель, быть замужней сестры братом.

Елена. Который час в столовой?

Николка. Э... девять. Наши часы впереди, Леночка.

Елена. Не сочиняй, пожалуйста.

Николка. Ишь, волнуется. *(Напевает.)* Туманно... Ах, как все туманно...

Алексей. Не надрывай ты мне душу, пожалуйста. Пой веселую.

Николка *(поет)*.

Здравствуйте, дачники!
Здравствуйте, дачницы!
Съемки у нас уж давно начались...
Гей, песнь моя!.. Любимая!..
Буль-буль-буль, бугылочка
Казенного вина!!
Бескозырки тонные,
Сапоги фасонные,
То юнкера-гвардейцы идут...

Электричество внезапно гаснет. Громадный хор за стеной в тон Николке, проходя, поет: «Бескозырки тонные...»

Алексей. Елена! Свечи у тебя есть?

Елена. Да!.. Да!..

Алексей. Черт их возьми! Каждую минуту тухнет... Какая-то часть, очевидно, прошла.

Елена *(выходя со свечой)*. Тише, погодите! *(Прислушивается.)*

Электричество вспыхивает. Елена тушит свечу. Далекий пушечный удар.

Николка. Так близко. Впечатление такое, будто бы под Святошином. Интересно, что там происходит? Алеша, может быть, ты пошлешь меня узнать, в чем дело в штабе. Я бы съездил.

Алексей. Конечно, тебя еще не хватает. Сиди, пожалуйста, смиренно.

Николка. Слушаю, господин полковник. Я, собственно, пото-

му, знаешь, бездействие... обидно несколько... Там люди дерутся... Хотя бы дивизион наш был скорее готов.

А л е к с е й. Когда мне понадобятся твои советы в подготовке дивизиона, я тебе сам скажу. Понял?

Н и к о л к а. Понял. Виноват, господин полковник.

Е л е н а. Алеша, где же мой муж?

А л е к с е й. Придет, Леночка.

Е л е н а. Но как же так? Сказал, что приедет утром, а сейчас девять часов, и его нет до сих пор. Уж не случилось ли с ним чего?

А л е к с е й. Леночка, ну конечно, этого не может быть. Ты же знаешь, что линию на запад охраняют немцы.

Е л е н а. Но почему же его до сих пор нет?

А л е к с е й. Ну, очевидно, стоят на каждой станции.

Н и к о л к а. Революционная езда. Час едешь, два стоишь.

Звонок.

Ну вот и он, я же говорил! (*Бежит открывать дверь.*) Кто там?

М ы ш л а е в с к и й (*за сценой*). Открой, ради бога, скорее!

А л е к с е й. Нет, это не Тальберг.

Н и к о л к а (*впуская Мышлаевского в переднюю*). Да это ты, Витенька?

М ы ш л а е в с к и й. Ну я, конечно, чтоб меня раздавило! Никол, бери винтовку, пожалуйста. Вот дьяволова мать!..

А л е к с е й. Да это Мышлаевский.

Е л е н а. Виктор, откуда ты?

М ы ш л а е в с к и й. Ох... Осторожно вешай, Никол. В кармане бутылка водки. Не разбей. Ох... Из-под Красного Трактира. Позволь, Лена, ночевать, не дойду домой, совершенно замерз.

Е л е н а. Ах, боже мой, конечно! Иди скорей к огню.

Идут к камину.

М ы ш л а е в с к и й. Ох... ох... ох...

А л е к с е й. Что же, они валенки вам не могли дать, что ли?

М ы ш л а е в с к и й. «Валенки». Это такие мерзавцы! (*Бросается к огню.*)

Е л е н а. Вот что: там ванна сейчас топится, вы его раздевайте поскорее, а я ему белье приготовлю. (*Уходит.*)

М ы ш л а е в с к и й. Голубчик, сними, сними, сними...

Н и к о л к а. Сейчас, сейчас. (*Снимает с Мышлаевского сапоги.*)

М ы ш л а е в с к и й. Легче, братик, ох, легче. Водки бы мне выпить, водочки.

А л е к с е й. Сейчас дам.

Мышлаевский. Пропали пальцы, к чертовой матери, пропали, это ясно.

Алексей. Ну что ты. Отойдут. Николка, растирай ему ноги водкой.

Мышлаевский. Так я и позволил ноги водкой тереть. Три рукой. Больно... Больно... Легче.

Николка. Тс... тс... Как замерз капитан!

Елена (*появляется с халатом и туфлями*). Сейчас же в ванну его. На!

Мышлаевский. Дай тебе бог здоровья, Леночка. Дайте-ка водки еще. (*Пьет.*)

Николка. Что, согрелся, капитан?

Мышлаевский. Легче стало.

Николка. Ты скажи, что там под Трактиром делается?

Мышлаевский. Метель под Трактиром. Вот что там. И я бы эту метель, мороз, немцев-мерзавцев и Петлюру!..

Алексей. Зачем же, не понимаю, вас под Трактир погнали.

Мышлаевский. А мужички там эти под Трактиром. Вот эти самые милые мужички из сочинений Льва Толстого!

Николка. Да неужели? А в газетах пишут, что мужики на стороне гетмана...

Мышлаевский. Что ты, юнкер, мне газеты тычешь? Я бы всю эту вашу газетную шваль перевешал бы на одном суку! Я сегодня утром лично на разведке напоролся на одного деда и спрашиваю: «Где ваши хлопцы?» Деревня точно вымерла. А он сослепу не разглядел, что у меня погоны под башлыком, и отвечает: «Уси побиглы до Петлюры»...

Николка. Ой-ой-ой-ой...

Мышлаевский. Вот именно «ой-ой-ой-ой»... Взял я этого богоносного хрена за манишку и говорю: «Уси побиглы до Петлюры? Вот я тебя сейчас пристрелю, старую... ты у меня узнаешь, как до Петлюры бегают... Ты у меня сбегаетшь в Царство Небесное».

Алексей. Как же ты в город попал?

Мышлаевский. Сменили сегодня, слава тебе господи! Пришла пехотная дружина. Скандал я в штабе на Посту устроил! Жутко было! Они там сидят, коньяк в вагоне пьют. Я говорю, вы, говорю, сидите с гетманом во дворце, а артиллерийских офицеров вышибли в сапогах на мороз с мужичьем перестреливаться! Не знали, как от меня отделаться. Мы, говорят, командиредем вас, капитан, по специальности в любую артиллерийскую часть. Поезжайте в город. Алеша, возьми меня к себе.

Алексей. С удовольствием. Я и сам хотел тебя вызвать. Я тебе первую батарею дам.

Мышлаевский. Благодетель...

Николка. Ура!.. Все вместе будем. Студзинский старшим офицером.

Мышлаевский. Вы где стоите?

Николка. Александровскую гимназию заняли. Завтра или послезавтра можно выступить.

Мышлаевский. Ты ждешь не дождешься, чтобы Петлюра тебя по затылку трахнул?

Николка. Ну, это еще кто кого!

Елена (*появляется*). Ну, Виктор, отправляйся, отправляйся. Иди мойся.

Мышлаевский. Лена ясная, позволь, я тебя за твои хлопоты обниму и поцелую. Как ты думаешь, Леночка, мне сейчас водки выпить или уже потом, за ужином сразу?

Елена. Нет, я думаю, что потом, за ужином сразу. Мужа ты моего там где-нибудь не видел? Муж пропал.

Мышлаевский. Что ты, Леночка, найдется. Он сейчас придет. (*Уходит.*)

Начинается непрерывный звонок.

Николка. Ну вот он — он! (*Бежит в переднюю.*)

Алексей. Господи, что это за звонок?

Николка отворяет дверь. Появляется в передней Ларосик с чемоданом и с узлом.

Ларосик. Вот я и приехал. Со звонком у вас я что-то сделал.

Николка. Это вы кнопку вдавили. (*Выбегает за дверь.*)

Ларосик. Ах, боже мой! Простите, ради бога! (*Входит в комнату.*) Вот я и приехал. Здравствуйте, глубокоуважаемая Елена Васильевна, я вас сразу узнал по карточкам. Мама просит вам передать ее самый горячий привет.

Звонок прекращается. Входит Николка.

А равно также и Алексею Васильевичу.

Алексей. Мое почтение.

Ларосик. Здравствуйте, Николай Васильевич, я так много о вас слышал. Вы удивлены, я вижу? Позвольте вам вручить письмо, оно вам все объяснит. Мама сказала мне, чтобы я даже не раздевался, а прежде всего дал бы вам прочитать письмо.

Елена. Какой неразборчивый почерк!

Ларосик. Да, ужасно! Позвольте, лучше я сам прочитаю. У мамы такой почерк, что она иногда напишет, а потом сама не понимает, что она такое написала. У меня тоже такой почерк. Это у нас наследственное. (*Читает.*) «Милая, милая Леночка! Посылаю к вам мое-

го мальчика прямо по-родственному; приютите и согрейте его, как вы умеете это делать. Ведь у вас такая громадная квартира...» Мама очень любит и уважает вас, а равно и Алексея Васильевича. (*Читает.*) «Мальчуган поступает в Киевский университет. С его способностями...» Ах уж эта мама!.. «невозможно сидеть в Житомире, терять время. Содержание я буду вам переводить аккуратно. Мне не хотелось бы, чтобы мальчуган, привыкший к семье, жил у чужих людей. Но я очень спешу, сейчас идет санитарный поезд, он сам вам все расскажет...» Гм... вот и все.

Алексей. Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?

Лариосик. Как с кем? Вы меня не знаете?

Алексей. К сожалению, не имею удовольствия.

Лариосик. Боже мой! И вы, Елена Васильевна?

Николка. И я тоже не знаю.

Лариосик. Боже мой, это прямо колдовство! Да ведь мама в телеграмме все написала. Мама дала вам телеграмму в шестьдесят три слова.

Николка. Шестьдесят три слова!.. Ой... ой... ой...

Елена. Мы никакой телеграммы не получали.

Лариосик. Боже, какой скандал! Простите меня, пожалуйста. Я думал, что меня ждут, и прямо не раздеваясь... извините, я, кажется, что-то раздавил... Я ужасный неудачник.

Алексей. Да вы будьте добры, скажите, как ваша фамилия?

Лариосик. Ларион Ларионович Суржанский.

Елена. Вы — Лариосик? Житомирский кузен?

Лариосик. Ну да.

Елена. И вы... к нам приехали?

Лариосик. Да. Но, видите ли, я думал, что вы меня ждете, после маминой телеграммы. А раз так... Простите, пожалуйста, я наследил вам на ковре. Я сейчас поеду в какой-нибудь отель...

Елена. Какие теперь отели! Погодите, вы прежде всего разденьтесь.

Алексей. Да вас никто не гонит, снимайте пальто, пожалуйста.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Николка. Вот здесь, пожалуйста. Пальто можно повесить в передней.

Лариосик. Душевно вам признателен. Как у вас хорошо в квартире. (*Уходит.*)

Елена (*шепотом*). Ну что ж, Алеша, надо будет его оставить. Он симпатичный. Ты ничего не будешь иметь против, если мы его в библиотеке поместим, все равно комната пустует?

Алексей. Конечно, поди, скажи ему.

Лариосик входит.

Елена. Вот что, Ларион Ларионович, прежде всего в ванну. Там уже есть один — капитан Мышлаевский... А то, знаете ли, после поезда...

Лариосик. Да, да, ужасно... Ведь я одиннадцать дней ехал от Житомира до Киева...

Николка. Ой... ой... ой... одиннадцать дней!

Лариосик. Ужас, ужас... Это такой кошмар!

Елена. Ну, пожалуйста.

Лариосик. Душевно вам... Ах, извините, Елена Васильевна, я не могу идти в ванну.

Алексей. Почему?

Лариосик. Извините меня, пожалуйста: какие-то злодеи украли у меня в санитарном поезде чемодан с бельем. Чемодан с книгами и рукописями оставили, а белье все пропало.

Елена. Ну, это беда поправимая.

Николка. Я дам, я дам.

Лариосик (*интимно, Николке*). Рубашка, впрочем, у меня здесь, кажется, есть одна. Я в нее собрание сочинений Чехова завернул. А вот не будете ли вы добры дать мне кальсоны?

Николка. С удовольствием. Они вам будут велики, но мы их заколем английскими булавками.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Елена. Мы вас устроим, Ларион Ларионович, в библиотеке. Николка, проводи.

Николка. Пожалуйста за мной.

Лариосик и Николка уходят. Звонок.

Алексей. Вот тип! Я бы его остриг прежде всего. Ну, Леночка, зажги свет, я пойду к себе, у меня еще масса дел, а мне здесь мешают. (*Уходит.*)

Звонок.

Елена. Кто там?

Тальберг (*за сценой*). Я, я. Открой, пожалуйста.

Елена. Слава богу! Где же ты пропал? Я так волновалась!

Тальберг. Не целуй меня, я с холоду, ты можешь простудиться.

Елена. Где же ты был?

Тальберг. В германском штабе задержали важные дела.

Елена. Ну, иди скорее, грейся. Сейчас чай будем пить.

Тальберг. Не надо чаю. Лена, погоди. Позвольте, чей это френч?

Елена. Мышлаевского. Он только что приехал с позиций совершенно замороженный.

Тальберг. Все-таки можно прибрать.

Елена. Я сейчас. *(Вешает френч за дверь.)* Ты знаешь новость? Сейчас неожиданно приехал мой кузен из Житомира, знаменитый Лариосик. Алексей оставил его у нас в библиотеке.

Тальберг. Я так и знал. Недостаточно одного сеньора Мышлаевского. Появляются еще какие-то житомирские кузены. Не дом, а постоялый двор. Я решительно не понимаю Алексея.

Елена. Володя, ты в дурном расположении духа. Что тебе сделал Мышлаевский? Он очень хороший человек.

Тальберг. Замечательно хороший. Трактирный завсегдатай.

Елена. Володя!

Тальберг. Впрочем, сейчас не до Мышлаевского. Лена. Закрой дверь. Лена, случилась важная вещь.

Елена. Что такое?

Тальберг. Немцы оставляют гетмана на произвол судьбы.

Елена. Володя, да что ты? Откуда ты узнал?

Тальберг. Только что, под строгим секретом, в германском штабе. Никто не знает, даже сам гетман.

Елена. Что же теперь будет?

Тальберг. Что теперь будет. Гм... Половина десятого. Так-с... Что теперь будет? Лена!

Елена. Что ты говоришь?

Тальберг. Я говорю — Лена!

Елена. Ну что «Лена»?

Тальберг. Лена. Мне сейчас нужно бежать.

Елена. Бежать? Куда?

Тальберг. В Берлин. Гм... Без двадцати девяти десять. Дорогая моя, ты знаешь, что меня ждет в случае, если русская армия не отобьет Петлюру и он придет в Киев?

Елена. Тебя можно будет спрятать.

Тальберг. Миленькая моя, как можно меня спрятать! Я не иголка. Нет человека в городе, который не знал бы меня. Спрятать помощника военного министра при гетмане! Не могу же я, подобно сеньору Мышлаевскому, сидеть без френча в чужой квартире. Меня отличнейшим образом найдут.

Елена. Постой! Я не пойму, как же бежать. Значит, мы оба должны уехать?

Тальберг. В том-то и дело, что нет. Сейчас выяснилась ужасная картина. Город обложен со всех сторон, и единственный способ выбраться — в германском штабном поезде. Женщин они не берут. Мне одно место дали благодаря моим связям.

Елена. Другими словами, ты хочешь уехать один?

Тальберг. Дорогая моя, не «хочу», а иначе не могу! Пойми, катастрофа! Поезд идет через полтора часа. Решай, и как можно скорее.

Елена. Как можно скорее? Через полтора часа? Тогда я решаю — уезжай.

Тальберг. Ты умница. Я всегда это утверждал. Что я хотел еще сказать? Да, что ты умница! Впрочем, я это уже сказал.

Елена. На сколько же времени мы расстаемся?

Тальберг. Я думаю, месяца на два. Я только пережду всю эту кутерьму в Берлине, а когда гетман вернется...

Елена. А если он совсем не вернется?

Тальберг. Этого не может быть. Даже если немцы оставят Украину, Антанта займет ее и восстановит гетмана. Европе нужна гетманская Украина как кордон от московских большевиков. Ты видишь, я все рассчитал.

Елена. Да, я вижу, но только вот что: как же так, ведь гетман еще тут, наши формируются в армии, а ты вдруг бежишь на глазах у всех. Ловко ли это будет?

Тальберг. Милая, это наивно. Я тебе говорю по секрету: я бегу, потому что знаю, что ты этого никогда никому не скажешь. Полковники генштаба не бегают. Они ездят в командировку. В кармане у меня командировка в Берлин от гетманского министерства. Что, недурно?

Елена. Очень недурно. А что же будет с ними со всеми?

Тальберг. Позволь тебя поблагодарить за то, что сравниваешь меня со всеми. Я не все.

Елена. Ты же предупреди братьев.

Тальберг. Конечно, конечно. Как мне ни тяжело расстаться на такой большой срок... я отчасти доволен, что уезжаю один, ты побережешь наши комнаты.

Елена. Владимир Робертович, здесь мои братья! Неужели же ты хочешь сказать, что они вытеснят нас? Ты не имеешь права.

Тальберг. О нет, нет, нет... Конечно нет. Но ты же знаешь половицу: ки ва а ла шасс, пер са пляс¹. Теперь еще просьба, последняя. Здесь, гм... без меня, конечно, будет бывать этот... Шервинский...

Елена. Он и при тебе бывает.

Тальберг. К сожалению. Видишь ли, моя дорогая, он мне не нравится.

Елена. Чем, позволь узнать?

Тальберг. Его ухаживания за тобой становятся слишком назойливыми, и мне было бы желательно... Гм...

Елена. Что желательно было бы тебе?

Тальберг. Я не могу сказать тебе, что! Ты женщина умная и

¹ Qui va à la chasse, perd sa place. — Кто уходит на охоту, теряет свое место (фр.). (Переводы в пьесе принадлежат М.А. Булгакову.)

достаточно воспитанная. Ты прекрасно понимаешь, как нужно держать себя, чтобы не бросить тень на фамилию Тальберг.

Елена. Хорошо... я не брошу тень на фамилию Тальберг.

Тальберг. Почему ты отвечаешь мне так сухо? Я ведь не говорю тебе о том, что ты мне изменишь. Я прекрасно знаю, что этого быть не может.

Елена. Почему ты полагаешь, Владимир Робертович, что я не могу тебе изменить?

Тальберг. Елена, Елена, Елена! Я не узнаю тебя. Вот плоды общения с Мышлаевским! Замужняя дама, изменить! Без четверти десять! Я опоздаю!

Елена. Я сейчас тебе уложу.

Тальберг. Милая, ничего, ничего, только чемоданчик, в нем немного белья. Только, ради бога, скорее, даю тебе одну минуту.

Елена. Ты же с братьями попрощайся!

Тальберг. Само собою разумеется, только смотри, — я еду в командировку.

Елена. Алеша! Алеша! *(Убегает.)*

Алексей *(выходя)*. Да, да... А, здравствуй, Володя.

Тальберг. Здравствуй, Алеша.

Алексей. Что за суета?

Тальберг. Видишь ли, я должен сообщить тебе важную новость. Сегодня положение гетмана стало весьма серьезным.

Алексей. Как?

Тальберг. Seriously, и весьма.

Алексей. В чем дело?

Тальберг. Очень возможно, что немцы не окажут помощи и придется отбивать Петлюру своими силами.

Алексей. Неужели? Дело желтенькое... Спасибо, что сказал.

Тальберг. Теперь второе. Я сию минуту должен уехать в командировку.

Алексей. Куда, если не секрет?

Тальберг. В Берлин.

Алексей. Куда? В Берлин?

Тальберг. Да. Как я ни барахтался, выкрутиться не удалось. Такое безобразие.

Алексей. Надолго, смею спросить?

Тальберг. На два месяца.

Алексей. Ах, вот как.

Тальберг. Итак, позволь пожелать тебе всего хорошего. Берегите Елену. *(Протягивает руку.)* Что это значит?

Алексей *(спрятав руку за спину)*. Это значит, что командировка ваша мне не нравится..

Тальберг. Полковник Турбин!

Алексей. Я вас слушаю, полковник Тальберг.

Тальберг. Вы мне ответите за это, господин брат моей жены.

Алексей. А когда прикажете, господин Тальберг?

Тальберг. Когда... Без десяти десять... Когда я вернусь.

Алексей. Ну, бог знает что случится, когда вы вернетесь!

Тальберг. Вы... вы... Я давно хотел уже объясниться с вами.

Алексей. Жену не волновать, господин Тальберг.

Елена (*выходя*). О чем вы говорите?

Алексей. Ничего, ничего, Леночка!

Тальберг. Ничего, ничего, дорогая! Ну, до свидания, Алеша!

Алексей. До свидания, Володя!

Елена. Николка! Николка!

Николка. Вот он я.

Елена. Володя уезжает в командировку. Попрощайся!

Тальберг. До свидания, Никол.

Николка. Счастливого пути, господин полковник.

Тальберг. Елена, вот тебе деньги. Из Берлина немедленно переведу. Будьте здоровы, будьте здоровы... (*Стремительно идет в переднюю.*) Не провожай меня, дорогая, ты простудишься.

Алексей (*неприятным голосом*). Елена, ты простудишься!

Пауза.

Николка. Алеша, как же это он так уехал? Куда?

Алексей. В Берлин.

Николка. В Берлин. Ага... В такой момент... С извозчиком торгуется. (*Философски.*) Алеша, ты знаешь, я заметил, он на крысу похож.

Алексей. А дом наш на корабль. Ну, иди к гостям. Иди, иди.

Николка уходит.

Алексей. Дивизион в небо как в копеечку попадает. «Весьма серьезно». «Серьезно, и весьма». Крыса! (*Уходит.*)

Елена (*возвращается из передней. Смотрит в окно*). Уехал...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Накрыт стол для ужина.

Елена (*у рояля, берет один и тот же аккорд*). Уехал. Как уехал?

Шервинский (*появляется внезапно*). Кто уехал?

Елена. Боже мой! Как вы меня испугали, Шервинский! Как же вы вошли без звонка?

Шервинский. Да у вас дверь не заперта — все настезь. Здравия желаю, Елена Васильевна. Позвольте вам вручить. *(Вынимает из бумаги громадный букет.)*

Елена. Сколько раз я просила вас, Леонид Юрьевич, не делать этого. Мне неприятно, что вы тратите деньги.

Шервинский. Деньги существуют на то, чтобы их тратить, как сказал Карл Маркс. Разрешите снять бурку?

Елена. А если бы сказала, что не разрешаю?

Шервинский. Я просидел бы в бурке всю ночь у ваших ног.

Елена. Ой, Шервинский, армейский комплимент.

Шервинский. Виноват, это гвардейский комплимент. *(Снимает в передней бурку, остается в великолепнейшей черкеске.)* Я так рад, что вас вижу! Я так давно вас не видал!

Елена. Если память мне не изменяет, вы были у нас вчера.

Шервинский. Ах, Елена Васильевна, что такое в наше время «вчера». Итак, кто же уехал?

Елена. Владимир Робертович.

Шервинский. Позвольте, он же сегодня должен был вернуться?

Елена. Да, он вернулся и... опять уехал.

Шервинский. Куда?

Елена. Какие дивные розы... В Берлин.

Шервинский. В... Берлин? И надолго, разрешите узнать?

Елена. Месяца на два.

Шервинский. На два месяца. Да что вы!.. Печально, печально... Я так расстроен, я так расстроен!

Елена. Шервинский, пятый раз целуете руку.

Шервинский. Я, можно сказать, подавлен, Боже мой, да тут все! Ура! Ура!

Николка *(за сценой)*. Шервинский! Демона!

Елена. Чему вы так бурно радуетесь?

Шервинский. Я радуюсь... Ах, Елена Васильевна, вы не поймете!..

Елена. Вы не светский человек, Шервинский.

Шервинский. Я не светский человек. Позвольте, почему же... Нет, я светский. Просто я, знаете ли, расстроен... Итак, стало быть, он уехал, а вы остались.

Елена. Как видите. Как ваш голос?

Шервинский *(у рояля)*. Ма-ма... миа... ми... Он далеко, он да... он далеко и не узнает... Да... В хорошем голосе. Ехал к вам на извозчике, казалось, что и голос сел, а сюда приезжаю — оказывается, в голосе.

Елена. Ноты захватили?

Шервинский. Вы чистой воды богиня.

Елена. Единственно, что в вас есть хорошего, это голос, и прямое ваше назначение — это оперная карьера.

Шервинский. Кое-какой материал есть. Вы знаете, Елена Васильевна, я однажды в Жмеринке пел Эпиталаму из «Нерона», там вверху фа, как вам известно, а я взял ля и держал девять тактов.

Елена. Сколько?

Шервинский. Восемь тактов держал. Напрасно вы не верите. Ей-богу! Там была графиня Гендрикова, красавица... Она влюбилась в меня после этого ля.

Елена. И что же было потом?

Шервинский. Отравилась. Цианистым кали.

Елена. Ах, Шервинский. Это у вас болезнь, честное слово. Господа! Идите к столу!

Алексей. Здравствуйте, Леонид Юрьевич. Милости просим.

Шервинский. Виктор! Жив! Ну, слава богу. Почему ты в чалме?

Мышлаевский. Здравствуй, адъютант.

Шервинский. Мое почтение, капитан.

Мышлаевский (*в чалме из полотенца*). Старший офицер нашего дивизиона капитан Студзинский, а это мсье Суржанский. Вместе с ним купались.

Николка. Кузен наш из Житомира.

Студзинский. Очень приятно.

Лариосик. Душевно рад познакомиться.

Шервинский. Ее императорского величества лейб-гвардии уланского полка и личный адъютант его светлости поручик Шервинский.

Лариосик. Ларион Суржанский. Душевно рад с вами познакомиться.

Мышлаевский. Да вы не приходите в такое отчаяние. Бывший лейб, бывшей гвардии, бывшего полка...

Елена. Господа, идите к столу.

Алексей. Двенадцать. Господа, садимся, а то ведь завтра рано вставать.

Шервинский. Ух, какое великолепие! По какому случаю пир, позвольте спросить?

Николка. Последний ужин дивизиона, господин поручик, позлезавтра выступаем.

Шервинский. Ага...

Студзинский. Где прикажете, господин полковник?

Шервинский. Где прикажете?

Алексей. Где угодно, где угодно. Прошу, господа! Леночка!

Усаживаются.

Шервинский. Итак, стало быть, он уехал, а вы остались?

Елена. Шервинский, замолчите.

Мышлаевский. Леночка, водки выпьешь?

Елена. Нет, нет, нет.

Мышлаевский. Ну, тогда белого вина.

Студзинский. Вам позволите, господин полковник?

Алексей. Мерси. Вы, пожалуйста, себе.

Мышлаевский. Вашу рюмку.

Лариосик. Я, собственно, водки не пью.

Мышлаевский. Помилуйте, я тоже не пью. Но одну рюмку. Как же вы будете селедку без водки есть? Абсолютно не понимаю.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Мышлаевский. Давно, давно я водки не пил.

Шервинский. Господа! Здоровье Елены Васильевны! Ура! Ура!

Студзинский. }

Мышлаевский. } Ура!

Лариосик. }

Елена. Тише! Что вы, господа! Весь переулочок разбудите. И так уж твердят, что у нас каждый день попойка. Спасибо. Спасибо.

Мышлаевский. Ух, хорошо! Освежает водка. Не правда ли?

Лариосик. Да, очень!

Мышлаевский. Умоляю, еще по рюмке. Господин полковник.

Алексей. Ты не гони особенно, Виктор, завтра выступать.

Николка. И выступим.

Елена. Что с гетманом, скажите?

Студзинский. Да, да, что с гетманом?

Шервинский. Все в полном порядке, Елена Васильевна. Вчера, господа, был ужин во дворце!.. На двести персон. Рябчики... Гетман в национальном костюме...

Елена. Да говорят, что немцы нас оставляют на произвол судьбы?

Шервинский. Не верьте... никаким слухам, Елена Васильевна. Все обстоит совершенно благополучно.

Лариосик. Благодарю, глубокоуважаемый Виктор Викторович, я ведь, собственно говоря, водки не пью.

Мышлаевский (*выпивая*). Стыдитесь, Ларион!

Шервинский. } Стыдитесь.

Николка. }

Лариосик. Покорнейше благодарю.

Алексей. Ты, Никол, на водку-то не налегай.

Николка. Слушаю, господин полковник! Я — белого вина.

Лариосик. Как это вы ловко ее опрокидываете, Виктор Викторович.

Мышлаевский. Достигается упражнением. Алеша!

Алексей. Спасибо, капитан, а салату?

Студзинский. Покорнейше благодарю.

Мышлаевский. Лена, золотая! Пей белое вино. Радость моя! Рыжая Лена, я знаю, отчего ты так расстроена. Брось! Все к лучшему.

Шервинский. Все к лучшему.

Мышлаевский. Нет, нет, до дна, Леночка, до дна!

Николка (*берет гитару*). Кому чару пить, кому здраву быть... пить чару...

Все. ...Свет Елене Васильевне! Леночка, выпейте, выпейте... выпейте...

Елена поет.

Все. Bravo!! (*Аплодируют.*)

Мышлаевский. Ты замечательно выглядишь сегодня. Ей-богу. И капот этот идет к тебе, клянусь честью. Господа, гляньте, какой капот, совершенно зеленый!

Елена. Это платье, Витенька, и серое.

Мышлаевский. Ну, тем хуже. Все равно. Господа, обратите внимание, не красивая она женщина, вы скажете?

Студзинский. Елена Васильевна очень красива. Ваше здоровье!

Мышлаевский. Лена, ясная, позволь я тебя обниму и поцелую.

Шервинский. Э-э...

Мышлаевский. Леонид, отойди. От чужой мужней жены отойди!

Шервинский. Позволь...

Мышлаевский. Мне можно, я друг детства.

Николка (*вставая*). Господа, здоровье командира дивизиона!

Студзинский, Шервинский и Мышлаевский встают.

Лариосик. Ура!.. Извините, господа, я человек не военный.

Мышлаевский. Ничего, ничего, Ларион! Правильно!

Елена. Я очень, очень тронута.

Алексей. Очень приятно.

Лариосик. Многоуважаемая Елена Васильевна! Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо...

Елена. Очень приятно.

Лариосик. Многоуважаемый Алексей Васильевич.

Алексей. Очень приятно.

Лариосик. Господа, кремовые шторы... за ними отдыхаешь душой... забываешь о всех ужасах Гражданской войны. А ведь наши раненные души так жаждут покоя...

Мышлаевский. Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете?

Лариосик. Я? Да... пишу.

Мышлаевский. Так. Извините, что я вас перебил.

Лариосик. Пожалуйста... кремовые шторы... Они отделяют нас от всего света. Впрочем, я человек не военный. Эх... Налейте мне еще рюмочку.

Мышлаевский. Браво, Ларион! Ишь хитрец, а говорил — не пьет. Симпатичный ты парень, Ларион, но речи произносишь, как многоуважаемый сапог.

Лариосик. Нет, не скажите, Виктор Викторович, я говорил речи, и не однажды... в Житомире... сослуживцы моего покойного папы на обедах... Податные инспектора там... Они меня тоже — ох как ругали!

Мышлаевский. Податные инспектора известные звери.

Шервинский. Пейте, Лена, пейте, дорогая.

Елена. Напоить меня хотите? У, какой противный!

Мышлаевский. Давай сюда гитару, Николка, давай!

Николка (*с гитарой, поет*).

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?

Лариосик (*поет*).

Так громче, музыка, играй победу.

Все (*поют*).

Мы победили, и враг бежит.

Так за...

Лариосик. Царя!..

Алексей. Что вы, что вы!

Все (*поют фразу без слов*).

.....

Мы грянем дружное ура! Ура! Ура!

Николка.

Скажи мне всю правду, не бойся меня...

Все поют.

Лариосик. Эх. До чего у вас весело, Елена Васильевна. Дорогая! Огни! Ура!

Шервинский. Господа! Здоровье его светлости гетмана всяя Украины! Ура!

Пауза.

Студзинский. Виноват. Завтра драться я пойду, но тост этот пить не стану и другим офицерам не советую.

Шервинский. Господин капитан.

Лариосик. Совершенно неожиданное происшествие.

Мышлаевский (*пьян*). Из-за него, дьявола, я себе ноги отмозил. (*Пьет.*)

Студзинский. Господин полковник, вы тост одобряете?

Алексей. Нет, не одобряю!

Шервинский. Господин полковник, позвольте, я скажу.

Лариосик. Нет, уж позвольте, я скажу. Здоровье Елены Васильевны, а равно ее высокоуважаемого супруга, отбывшего в Берлин!

Мышлаевский. Во! Угадал, Ларион! Лучше трудно!

Лариосик. Простите, Елена Васильевна, я человек не военный.

Елена. Не обращайтесь на них внимания, Ларион. Вы душевный человек, хороший. Идите сюда ко мне.

Лариосик. Елена Васильевна! Ах, боже мой, красное вино...

Николка. Солью, солью посыпем... ничего.

Студзинский. Этот ваш гетман...

Алексей. Что же, в самом деле? В насмешку мы ему дались, что ли?! Если бы ваш гетман вместо того, чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, ведь Петлюры бы духом не пахло в Малороссии. Но этого мало — мы бы большевиков в Москве прихлопнули, как мух. Ведь самый момент! Там, говорят, кошек жрут. Он бы, мерзавец, Россию спас.

Шервинский. Немцы бы не позволили формировать армию, господин полковник: они ее боятся.

Алексей. Неправда-с. Немцам нужно было объяснить, что мы им не опасны. Конечно! Войну мы проиграли. У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще все на свете: у нас большевики. Немцам нужно было сказать: «Вам нужен украинский хлеб, сахар. Берите, лопайте, подавитесь, только помогите нам, чтобы наши мужики не заболели московской болезнью». А теперь поздно, теперь наше офицерство превратилось в завсегдатаев кафе. Кофейная армия! Пойди его заberi. Так он тебе и пойдет воевать. У него, у мерзавца, валюта в кармане. Он в кофейне сидит на Крещатике. Там же, где вся штабная орава. Нуте-с, великолепно. Дали полковнику Турбину дивизион: лети, спеши, формируй, ступай, Петлюра идет! Отлично-с! А вот глянул я на них, и даю вам слово чести — в первый раз дрогнуло мое сердце.

Мышлаевский. Алеша, командирчик ты мой! Артиллерийское у тебя сердце! Пью здоровье!

Алексей. Дрогнуло, потому что на сто юнкеров — сто двадцать человек студентов и держат они винтовку, как лопату. И вот вчера на плацу... Снег идет, туман вдали... Померещился мне, знаете ли, гроб...

Елена. Алеша, зачем ты говоришь такие мрачные вещи? Не смей!

Николка. Не извольте расстраиваться, господин командир, мы не выдадим.

Алексей. Вот, господа, сижу я сейчас среди вас, и у меня одна неотвязная мысль. Ах! Если бы мы все это могли предвидеть раньше! Вы знаете, что такое этот ваш Петлюра? Это миф, черный туман. Его и вовсе нет. Вы гляньте на окна, посмотрите, что там. Там метель, какие-то тени... В России, господа, две силы: большевики и мы. Мы встретимся. Вижу я более грозные времена. Ну, не удержим Петлюру. Но ведь он ненадолго придет. А вот за ним придут большевики. Вот из-за этого я и иду! На рожон, но пойду! Потому что, когда мы встретимся с большевиками, дело пойдет веселее. Или мы их закопаем, или — вернее — они нас. Пью за встречу, господа!

Лариосик (*за роялем запел*).

Жажду встречи,
Клятвы, речи —
Все пустяки,
Все трын-трава.

Николка. Здорово, Ларион.

Жажду встречи...
Клятвы, речи...

Все сумбурно поют. Лариосик внезапно зарыдал.

Елена. Лариосик, что с вами?

Николка. Ларион!

Мышлаевский. Что ты, Ларион, кто тебя обидел?

Лариосик (*пьян*). Я испугался.

Мышлаевский. Кого? Большевиков? Ну, мы им сейчас покажем! (*Берет маузер*.)

Елена. Виктор, что ты делаешь?

Мышлаевский. В комиссаров стрелять буду. Который из вас комиссар?

Шервинский. Маузер заряжен, господа!!

Студзинский. Капитан, сядь сию минуту.

Елена. Господа, отнимите у него!

Отнимают маузер.

Алексей. Что ты, с ума сошел? Сядь сию минуту! Это я виноват, господа.

Мышлаевский. Стало быть, я в компанию большевиков попал. Очень приятно. Здравствуйте, товарищи. Выпьем за здоровье комиссаров. Они симпатичные!

Елена. Виктор, не пей больше!

Мышлаевский. Молчи, комиссарша!

Шервинский. Боже, как налился!

Алексей. Господа, это я виноват. Не слушайте того, что я сказал. Просто у меня расстроены нервы.

Студзинский. О нет, господин полковник. Мы понимаем. И поверьте, мы разделяем все, что вы сказали.

Шервинский. Вы меня не поняли. Гетман так и сделает, как вы предлагаете. Союзники помогут нам разбить большевиков, гетман положит Украину к стопам его императорского величества государя императора Николая Александровича.

Мышлаевский. Какого Александровича? А говорят, — я налился.

Николка. Император убит...

Шервинский. Господа! Известие о смерти его императорского величества...

Мышлаевский. Несколько преувеличено.

Студзинский. Виктор, ты офицер!

Елена. Дайте же ему сказать, господа.

Шервинский. Вымыслено большевиками. Вы знаете, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана? Император Вильгельм сказал: «А о дальнейшем с вами будет говорить...» — портьера раздвинулась, и вышел наш государь. Он сказал: «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет время, я лично вас поведу в сердце России, в Москву!» И прослезился.

Студзинский. Убит он!

Елена. Шервинский! Это правда?

Шервинский. Елена Васильевна!

Алексей. Поручик, это — легенда!

Николка. Все равно. Если даже император мертв, да здоровствует император! Ура! Гимн!.. Шервинский. Гимн. (*Поет.*) Боже, царя храни...

Шервинский.

Студзинский.

Мышлаевский.

Лариосик (*поет*). Сильный, державный...

} Боже, царя храни!

Николка.
Студзинский. } Царствуй на...
Шервинский. }

Елена.
Алексей. } Господа, что вы! Не нужно этого!

Мышлаевский (*плачет*). Алеша, разве это народ! Ведь это бандиты. Профессиональный союз цареубийц. Петр Третий... Ну что он им сделал? Что? Орут: «Войны не надо!» Отлично... Он же прекратил войну. И кто? Собственный дворянин царя по морде бутылкой — хлоп! Где царь? Нет царя! Нет царя! Павла Петровича князь портсигаром по уху... А этот... Забыл, как его. С бакенбардами, симпатичный, дай, думаю, мужикам приятное сделаю, освобожу их, чертей полосатых. Так его бомбой за это? Пороть их надо, негодяев. Алеша! Ох, мне что-то плохо, братцы...

Елена. Ему плохо!

Николка. Капитану плохо!

Алексей. В ванну.

Студзинский, Николка и Алексей поднимают Мышлаевского и выносят.

Елена. Пойду посмотрю, что с ним.

Шервинский (*загородив дверь*). Не надо, Лена!

Елена. Господи, ведь нужно же так. А Лариосик-то, Лариосик! Хаос. Накурили. Лариосик!

Шервинский. Что вы, что вы, не будите его. Он проспитя, и все...

Елена. Я сама из-за вас напилась. Боже, ноги не ходят.

Шервинский. Сюда, сюда... Можно мне сесть рядом?

Елена. Садитесь... Чем же все это кончится, Шервинский? А? Я видела дурной сон. Вообще кругом за последнее время все хуже и хуже.

Шервинский. Елена Васильевна! Все будет благополучно, а снам вы не верьте. Какой вы сон видели?

Елена. Нет, нет, мой сон вещий. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм. Ветер воет. Холодно, холодно. Волны. А мы в трюме. Вода подбирается к самым ногам. Влезаем на какие-то нары. И, главное, крысы. Такие омерзительные, огромные. До того страшно, что я проснулась.

Шервинский. А вы знаете что, Елена Васильевна, он не вернется.

Елена. Кто?

Шервинский. Ваш муж.

Елена. Леонид Юрьевич, это нахальство. Какое вам дело? Вернется, не вернется.

Шервинский. Мне-то большое дело. Я вас люблю.

Елена. Слышала. И все вы сочиняете.

Шервинский. Ей-богу, я вас люблю.

Елена. Ну и любите про себя.

Шервинский. Не хочу, мне надоело.

Елена. Пойдите, пойдите. Почему вы вспомнили о моем муже, когда я сказала про крыс?

Шервинский. Потому что он на крысу похож.

Елена. Какая вы свинья все-таки, Леонид! Во-первых, вовсе не похож...

Шервинский. Как две капли. В пенсне, носик острый...

Елена. Очень, очень красиво! Про отсутствующего человека гадости говорить, да еще его жене!

Шервинский. Какая вы ему жена!

Елена. То есть как?

Шервинский. Вы посмотрите на себя в зеркало. Вы красивая, умная, как говорится — интеллектуально развитая. Вообще женщина на ять. Аккомпанируете прекрасно. А он рядом с вами — вешалка, карьерист, штабной момент.

Елена. За глаза-то! Отлично! *(Зажимает ему рот.)*

Шервинский. Да я ему это в глаза скажу. Давно хотел. Скажу и вызову на дуэль. Вы с ним несчастливы.

Елена. С кем же я буду счастлива?

Шервинский. Со мной.

Елена. Вы не годитесь.

Шервинский. Почему это я не гождусь?.. Ого!..

Елена. Что в вас есть хорошего?

Шервинский. Да вы всмотритесь.

Елена. Ну, побрякушки адъютантские, смазлив, как херувим. И больше ничего. И голос.

Шервинский. Так я и знал! Что за несчастье. Все твердят одно и то же: Шервинский — адъютант, Шервинский — певец, то, другое... А что у Шервинского есть душа, этого никто не замечает. Никто. И живет Шервинский, как бездомная собака, и не к кому ему на грудь голову склонить.

Елена *(отталкивает его голову)*. Вот гнусный ловелас! Мне известны ваши похождения. Всем одно и то же говорите. И этой вашей, длинной... Фу, губы накрашенные...

Шервинский. Она не длинная. Это — меццо-сопрано. Елена Васильевна, ей-богу, ничего подобного я ей не говорил и не скажу. Нехорошо с вашей стороны, Лена, как нехорошо с твоей стороны!

Елена. Я вам не Лена!

Шервинский. Ну, нехорошо с твоей стороны, Елена Васильевна. Значит, у вас нет никакого чувства ко мне.

Елена. К несчастью, вы мне очень нравитесь.

Шервинский. Ага! Нравлюсь. А вы мужа своего не любите.

Елена. Нет, люблю.

Шервинский. Лена, не лги. У женщины, которая любит мужа, не такие глаза. О, женские глаза. В них все видно.

Елена. Ну да, вы опытни, конечно.

Шервинский. Как он уехал?

Елена. И вы бы так сделали.

Шервинский. Я? Никогда! Это позорно. Сознайтесь, что вы его не любите!

Елена. Ну, хорошо: не люблю и не уважаю. Не уважаю. Довольны? Но из этого ничего не следует. Уберите руки.

Шервинский. А зачем вы тогда поцеловались со мною?

Елена. Лжешь ты! Никогда я с тобой не целовалась. Лгун с аксельбантами!

Шервинский. Я лгу? Нет!.. У рояля. Я пел «Бога всесильного»... и мы были одни. И даже скажу когда — восьмого ноября. Мы были одни — и ты поцеловала в губы.

Елена. Я тебя поцеловала за голос. Понял? За голос. Матерински поцеловала. Потому что голос у тебя замечательный. И больше ничего.

Шервинский. Ничего?

Елена. Это мученье. Честное слово! Посуда грязная. Эти пьяные. Муж куда-то уехал. Кругом свет...

Шервинский. Свет мы уберем. *(Тушит верхний свет.)* Так хорошо? Слушай, Лена, я тебя очень люблю. Я тебя ведь все равно не выпущу. Ты будешь моею женой.

Елена. Пристал, как змея... как змея.

Шервинский. Какая же я змея?

Елена. Пользуется каждым случаем и смущает меня и соблазняет. Ничего ты не добьешься. Ничего. Какой бы он ни был, не стану я ломать свою жизнь. Может быть, ты еще хуже окажешься.

Шервинский. Лена, до чего ты хороша!

Елена. Уйди! Я пьяна. Это ты сам меня напоил нарочно. Ты известный негодяй. Вся жизнь наша рушится. Все пропадает, валится.

Шервинский. Елена, ты не бойся, я тебя не покину в такую минуту. Я возле тебя буду, Лена.

Елена. Выпусти меня. Я боюсь бросить тень на фамилию Тальберг.

Шервинский. Лена, ты брось его совсем и выходи за меня. Лена!

Целуются.

Разведешься?

Елена. Ах, пропади все пропадом!

Целуются.

Лариосик *(внезапно)*. Не целуйтесь, а то меня тошнит.

Елена. Пустите меня! Боже мой! *(Убегает.)*

Лариосик. Ох!..

Шервинский. Молодой человек, вы ничего не видали!

Лариосик *(мутно)*. Нет, видел.

Шервинский. То есть как?

Лариосик. Если у тебя король, ходи с короля, а дам не трогай! Ой!..

Шервинский. Я с вами не играл.

Лариосик. Нет, ты играл.

Шервинский. Боже, как нарезался!

Лариосик. Вот посмотрим, что мама скажет вам, когда я умру. Я говорил, что я человек не военный, мне водки столько пить нельзя. Мне нехорошо... *(Падает на грудь Шервинскому.)*

Часы бьют три, играют менуэт.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Рабочий кабинет гетмана во дворце. Громадный письменный стол, на нем телефонные аппараты, отдельно полевой телефон. На стене портрет Вильгельма II. Ночь. Кабинет ярко освещен. Дверь открывается, и камер-лакей впускает Шервинского.

Шервинский. Здравствуйте, Федор.

Лакей. Здравия желаю, господин поручик.

Шервинский. Как! Никого нет? А кто из адъютантов дежурит у аппаратов?

Лакей. Его сиятельство князь Новожильцев.

Шервинский. А где же он?

Лакей. Не могу знать. С полчаса назад вышли.

Шервинский. Как это так? И аппараты полчаса стоят без дежурного?

Лакей. Да никто не звонил. Я все время был у дверей.

Шервинский. Мало ли что не звонил. А если бы позвонил? В такой момент. Черт знает что такое!

Лакей. Я бы принял телефонограмму. Они так и распорядились, чтобы, пока вы не приедете, — я бы записывал.

Шервинский. Вы? Записывать военные телефонограммы?! Да у него размягчение мозга. А, понял, понял. Он заболел?

Лакей. Никак нет. Они вовсе из дворца выбыли.

Шервинский. Во все из дворца? Вы шутите, дорогой Федор. Не сдав дежурства, отбыл из дворца? Значит, он в сумасшедший дом отбыл?

Лакей. Не могу знать. Только они забрали свою зубную щетку, полотенце и мыло из адъютантской уборной. Я же им еще газету давал.

Шервинский. Какую газету?

Лакей. Я же докладываю, господин поручик; во вчерашний номер они мыло завернули.

Шервинский. Позвольте, да вот же его шашка?!

Лакей. Да они в штатском уехали.

Шервинский. Или я с ума сошел, или вы. Запись-то он мне оставил, по крайней мере? (*Шарит на столе.*) Что-нибудь приказал передать?

Лакей. Приказали кланяться.

Шервинский. Вы свободны, Федор.

Лакей. Слушаю. Разрешите доложить, господин адъютант.

Шервинский. Что такое?

Лакей. Они изволили неприятное известие получить.

Шервинский. Откуда, из дому?

Лакей. Никак нет. По полевому телефону. И сейчас же заторопились. При этом в лице очень изменились.

Шервинский. Мне кажется, Федор, что вас не касается окраска лиц адъютантов его светлости. Вы лишнее говорите.

Лакей. Прошу извинить, господин поручик. (*Уходит.*)

Шервинский (*протяжно свистит, потом говорит в телефон на гетманском столе*). 14—23. Мерси. Это квартира князя Новожильцева? Попросите Сергея Николаевича. Что? Во дворце? Его нет во дворце. Я сам говорю из дворца. Постой, Сережа, да это твой голос! Сере... Позвольте...

Телефон звонит отбой.

Что за хамство! Я же отлично слышал, что это он сам. (*Пауза.*) Шервинский, Шервинский... (*Вызывает по полевому телефону, телефон пищит.*) Это штаб Святошинского отряда? Попросите начштаба. Как, его нет? Помощника. Вы слушаете? (*Пауза.*) Фу-ты черт!

Садится за стол, звонит. Входит камер-лакей. Шервинский пишет записку.

Федор, сейчас же эту записку вестовому. Чтобы срочно поехал ко мне на квартиру, на Львовскую улицу, там ему по этой записке дадут сверток. Чтобы сейчас же привез сюда. Вот два карбованца ему на извозчика. Вот записка в комендатуру на пропуск.

Л а к е й. Слушаю. (*Уходит.*)

Ш е р в и н с к и й (*трогает баки, задумчиво*). Чертовщина, честное слово.

На столе звонит телефон.

Я слушаю. Да... Личный адъютант его светлости поручик Шервинский. Здравия желаю, ваше превосходительство. Как-с? (*Пауза.*) Болботун?! Как со всем штабом? Слушаю! Так-с, передам. Слушаю, ваше превосходительство. Его светлость должен быть в двенадцать часов ночи. (*Вешает трубку.*)

Телефон звонит отбой. Пауза.

Я убит, господа! (*Свистит.*)

За сценой глухая команда: «Смирно!», потом многоголосый крик караула: «Здравия желаем, ваша светлость!»

Л а к е й (*открывает обе половинки двери*). Его светлость!

Г е т м а н входит в богатейшей черкеске, малиновых шароварах и сапогах без каблучков кавказского типа и без шпор. Блестящие генеральские погоны. Коротко подстриженные седеющие усы, гладко обритая голова, лет 45.

Г е т м а н. Здравствуйте, поручик.

Ш е р в и н с к и й. Здравия желаю, ваша светлость.

Г е т м а н. Приехали?

Ш е р в и н с к и й. Осмелюсь спросить — кто?

Г е т м а н. Я назначил без четверти двенадцать совещание у меня. Должен быть командующий русской армией, начальник гарнизона и представители германского командования. Где они?

Ш е р в и н с к и й. Не могу знать. Никто не прибыл.

Г е т м а н. Сводку мне за последний час. Живо!

Ш е р в и н с к и й. Осмелюсь доложить вашей светлости: я только что принял дежурство. Корнет князь Новожильцев, дежуривший передо мной...

Г е т м а н. Я давно уже хотел поставить на вид вам и другим адъютантам, что следует говорить по-украински. Это безобразие, в конце концов. Ни один человек не говорит на языке страны, а на украинские части это производит самое отрицательное впечатление. Прохаю ласково.

Ш е р в и н с к и й. Слушаю, ваша светлость. Дежурный адъютант

корнет... *(В сторону.)* Как «князь» по-украински?.. Черт! *(Вслух.)* ...Новожильцев, временно исполняющий обязанности. Я думаю... Я думováю...

Гетман. Говорите по-русски!

Шервинский. Слушаю, ваша светлость. Корнет Новожи́льцев отбыл домой, внезапно, по-видимому, захворав, до моего прибытия.

Гетман. Что вы такое говорите? Отбыл с дежурства? Вы сами-то как? В здравом уме? Бросил дежурство? Что у вас тут происходит, в конце концов? *(Звонит по телефону.)* Комендатура?.. Дать сейчас же наряд... По голосу надо слышать, кто говорит. Наряд на квартиру к моему адъютанту корнету Новожи́льцеву, арестовать его и доставить в комендатуру. Сию минуту. Зараз.

Шервинский *(в сторону)*. Так ему и надо! Будет знать, как чужими голосами по телефону разговаривать. Хам!

Гетман. Ленту он оставил?

Шервинский. Так точно. Но на ленте ничего нет.

Гетман. Да что ж он? Спятил. Да я его расстреляю сейчас, здесь же, у дворцового парапета. Я вам покажу всем. Соединитесь сейчас же со штабом командующего. Просить немедленно ко мне. То же самое начгарнизона и всем командирам полков. Живо!

Шервинский. Осмелюсь доложить, ваша светлость, известие чрезвычайной важности.

Гетман. Какое там еще известие?

Шервинский. Пять минут назад мне звонили из штаба командующего и сообщили, что командующий добровольческой армии при вашей светлости тяжело заболел и отбыл со всем штабом в германском поезде в Германию.

Пауза.

Гетман. Что? Вы в здравом уме? У вас глаза больные... Вы ображаете, о чем вы доложили? Что такое произошло? Катастрофа, что ли? Они бежали? Что же вы молчите. Ну...

Шервинский. Так точно, ваша светлость, катастрофа. В десять часов вечера петлюровские части прорвали городской фронт и конница Болботуна пошла в прорыв...

Гетман. Болботуна?.. Где?..

Шервинский. За Слободкой, в десяти верстах.

Гетман. Погодите... погодите... так... что такое?.. Вот что... Во всяком случае, вы — отличный, расторопный офицер. Я давно это заметил. Вот что. Сейчас же соединитесь со штабом германского командования и просите представителей его сию минуту пожаловать ко мне.

Ш е р в и н с к и й. Слушаю. *(По телефону.)* Третий. Зайн зи битте либенсвюрдих ден херн майор фон Дуст анс телефон цу биттен.

Стук в дверь.

Я... я...¹

Г е т м а н. Войдите, да.

Л а к е й. Представители германского командования генерал фон Шратт и майор фон Дуст просят их принять.

Г е т м а н. Просить сюда сейчас же. *(Шервинскому.)* Отставить.

Лакей выпускает фон Шратта и фон Дуста. Оба в серой форме, в гетрах.

Шратт — длиннолицый, седой. Дуст — с багровым лицом. Оба в моноклях.

Ш р а т т. Вир хабен ди эре ире хохейт цу бегрюссен².

Г е т м а н. Их фрейэ миш херцлих дас зи, мейне херрн, гекоммен зинд. Битте немен зи пляц³.

Немцы усаживаются.

Их хабе эбен ди нахрихт фон дэр шверен цуштанде унзерер арме бекоммен⁴.

Ш р а т т. Дас хабен вир шон зайт ланге гевуст⁵.

Г е т м а н *(Шервинскому)*. Пожалуйста, записывайте протокол совещания.

Ш е р в и н с к и й. По-русски разрешите, ваша светлость?

Г е т м а н. Генерал, могу просить говорить по-русски?

Ш р а т т *(с резким акцентом)*. О, с большим удовольствием.

Г е т м а н. Мне сейчас стало известно, что петлюровская конница прорвала городской фронт. *(Шервинский пишет.)* Кроме того, из штаба русского командования я имею какие-то совершенно невероятные известия. Штаб русского командования позорно бежал! Дас ист я унерхерт⁶.

Пауза.

¹ Seien Sie bitte so liebenswürdig, Herrn Major von Dust ans Telephon zu bitten. — Будьте любезны, позовите к телефону господина майора фон Дуст. Я... я... — Да... да... *(нем.)*

² Wir haben die Ehre, Euer Hochheit zu begrüßen. — Имеем честь приветствовать вашу светлость *(нем.)*.

³ Ich freue mich herzlich, Sie zu sehen, meine Herren. Bitte nehmen Sie Platz. — Я очень рад вас видеть, господа. Прошу вас, садитесь *(нем.)*.

⁴ Ich habe die Nachricht von der schweren Zustände unserer Armee bekommen. — Я только что получил известие о тяжелом положении нашей армии *(нем.)*.

⁵ Das haben wir schon seit lange gewußt. — Об этом мы знали уже давно *(нем.)*.

⁶ Das ist ja unerhört. — Это неслыханно *(нем.)*.

Я обращаюсь через ваше посредство к германскому правительству... со следующим заявлением: Украине угрожает смертельная опасность. Банды Петлюры грозят занять столицу. В случае такого исхода в столице произойдет анархия. Поэтому я прошу германское командование немедленно дать войска для отражения хлынувших сюда банд и восстановления порядка на Украине, столь дружественной Германии.

Ш р а т т. С жожалени, германски командование не имэйт возможность такое сделать.

Г е т м а н. Как? Уведомьте, генерал, почему?

Ш р а т т. Физиш унмеглих. Это физически невозможно есть. Эрстенс: во-первых, — у Петлюры, по сведениям штаба, двести тысяч войск великолепно вооружен. А между тем германски командование забирайт дивизии и уходит в Германии.

Ш е р в и н с к и й (*в сторону*). Мерзавцы!

Ш р а т т. Таким образом, в распоряжении нашим вооружением достаточны сил нет. Цвейтенс: во-вторых, — вся Украина, оказывается, на стороне Петлюры...

Г е т м а н. Поручик, подчеркните эту фразу в протоколе.

Ш е р в и н с к и й. Слушаю-с.

Ш р а т т. Ничего не имейт протиф. Подчеркните. Итак, остановить Петлюру невозможно.

Г е т м а н. Значит, меня, армию и правительство германское командование внезапно оставляет на произвол судьбы?

Ш р а т т. Ниэт, мы командированы брать меры к спасению вас.

Г е т м а н. Какие же меры командование предлагает?

Ш р а т т. Моментальную эвакуацию вашей светлости. Тотчас вагон и в Германию.

Г е т м а н. Простите, я ничего не понимаю... Как же так. Виноват. Может быть, это германское командование эвакуировало князя Белорукова?

Ш р а т т. Точно так.

Г е т м а н. Без согласия со мной? (*Волнуясь*.) Я заявляю правительству Германии протест против таких действий. Я не согласен. У меня есть еще возможность собрать армию в городе и защищать его своими средствами. Но ответственность за разрушение столицы ляжет на германское командование. И я думаю, что правительства Англии и Франции...

Ш р а т т. Правительства Англии, Франции?! Германское правительство ощущает в себе достаточно силы, чтобы не давать разрушение столицы.

Г е т м а н. Это угроза, генерал?

Ш р а т т. Предупреждение, ваша светлость. У вашей светлости не имеется никаких сил в распоряжении. Положение катастрофическое...

Дуст (*тихо, Шратту*). Мэйн генерал, вир хабен гар кэйне цэйт. Вир мюссен...¹

Шратт. Да, да... Ваша светлость, позвольте сообщить последнее: мы сейчас хватали сведения, что конница Петлюры восемь верст от Киева. И утром завтра она войдет...

Гетман. Я узнаю об этом последний!

Шратт. Ваша светлость знает, что будет его случае взятия в плен? На вашей светлости у Петлюры есть приговор. Он весьма есть печален.

Гетман. Какой приговор?

Шратт. Прошу извинения у вашей светлости. (*Пауза.*) Повесить. (*Пауза.*) Позвольте вас попросить ответ мгновенно. В моем распоряжении только десять маленьких минут, после этого я разделяю с себя ответственность жизнь вашей светлости.

Большая пауза.

Гетман. Я еду!

Шратт (*Дусту*). Будьте любезны, майор, действовать тайно и без всяки шум.

Дуст. О, никакой шум!

Стреляет из револьвера в потолок два раза. Шервинский растерян.

Гетман (*берясь за револьвер*). Что это значит?

Шратт. О, будьте спокойны, ваша светлость. (*Скрывается в портъере правой двери.*)

За сценой гул, крик: «Караул, в ружье». Топот.

Дуст (*открывая среднюю дверь*). Руих². Спокойно! Генерал фон Шратт зацепил брюками револьвер, ошибочно попал к себе на голова.

Голоса за сценой: «Гетман! Где гетман?»

Гетман есть очень здоровый. Ваша светлость, любезно высуньтесь... Караул...

Гетман (*в средних дверях*). Все спокойно, прекратите тревогу.

Дуст (*в дверь*). Прошу пропускайт врача с инструментом.

Тревога утихает. Входит германский врач с ящиком и медицинской сумкой.

Дуст закрывает среднюю дверь на ключ.

¹ Mein General, wir haben gar keine Zeit. Wir müssen... — Ваше превосходительство, у нас нет времени. Мы должны... (*нем.*)

² Ruhig. — Тише (*нем.*).

Ш р а т т. Ваша светлость, прошу переодеться в германский форм, и как будто вы есть я, а я есть раненый. Мы вас тайно из города вывезем, чтобы не вызвать возмущения среди караула.

Г е т м а н. Делайте как хотите.

Д у с т (*вынимая из ящика германскую форму*). Прошу вашу светлость. Где угодно?

Г е т м а н. Направо, в спальню.

Он и Дуст уходят направо.

Ш е р в и н с к и й (*у авансены*). Поедет Елена или не поедет? (*Решительно к Шратту*.) Ваше превосходительство, покорнейше прошу взять меня с гетманом, я его личный адъютант. Кроме того, со мной... моя невеста...

Ш р а т т. С сожалением, поручик, не только невеста, но и вас не могу брать. Если вы хотите ехать, отправляйтесь на станцию наш штабной поезд, только имейт в виду, мест нет, там уже есть личный адъютант.

Ш е р в и н с к и й. Кто?

Ш р а т т. Как его... Князь Новожильцев.

Ш е р в и н с к и й. Новожильцев? Да когда же он успел?

Ш р а т т. Когда катастрофа, каждый станет проворный очень. Он был у нас в штабе сейчас.

Ш е р в и н с к и й. И он там, в Берлине, будет при гетмане служить?

Ш р а т т. О, нейн, гетман будет один. Никакая свита. Мы только доведем до границ. Кто желает спастись свою шею от ваших мужик, а там каждый как желает.

Ш е р в и н с к и й. О, покорнейше благодарю. Я и здесь сумею спасти свою шею...

Ш р а т т. Правильно, молодой человек.

Входят гетман и Дуст. Гетман переодет германским генералом. Растерян, курит.

Никогда не следует покидать своя родина.

Г е т м а н. Все бумаги здесь сжечь, поручик.

Д у с т. Херр доктор, зейн зи либенвюрдих...¹ Ваша светлость, пожалуйста, садитесь.

Гетмана усаживают. Врач забинтовывает ему голову наглухо.

В р а ч. Фертиг².

¹ Herr Doktor, seien Sie so liebenswürdig... — Господин доктор, будьте так любезны... (нем.)

² Fertig. — Готово (нем.).

Ш р а т т *(Дусту)*. Машину!

Д у с т. Зоглейх!¹

Ш р а т т. Ваша светлость, ложитесь.

Г е т м а н. Но ведь нужно же объявить об этом народу... манифест?

Ш р а т т. Манифест? Я... пожалуй...

Г е т м а н *(глухо)*. Поручик, пишите... «Бог не дал мне силы... и я...»

Д у с т. Нет времени манифест...

Ш р а т т. Из поезда телеграммой... Ваша светлость, ложитесь.

Гетмана укладывают на диван. Шратт прячется. Среднюю дверь открывают, появляется лакей. Дуст, врач и лакей выносят гетмана в левую дверь. Шервинский помогает до двери, возвращается. Входит Ш р а т т.

Все в порядке. *(Смотрит на часы-браслет.)* Один час ночи. *(Надевает кепи и плащ.)* До свидания, поручик. Вам советую не засиживаться здесь. Вы свободно можете расходиться. Снимайте погоны. *(Прислушивается.)* Слышите?

Ш е р в и н с к и й. Беглый огонь!..

Ш р а т т. Именно. Каламбур! Беглый! Пропуск на боковой ход имеете?

Ш е р в и н с к и й. Точно так.

Ш р а т т. Так до свидания. Спешите. *(Уходит.)*

Ш е р в и н с к и й *(подавлен)*. ...Чистая немецкая работа. *(Внезапно оживает.)* Нуте-с, времени нету. Нету, нету, нету... *(У стола.)* О, портсигар. Золотой. Гетман забыл. Оставить его здесь? Невозможно, лакеи сопрут. Ого! Фунт, должно быть, весит. Историческая ценность. *(Закуривает, прячет портсигар в карман.)* Так-с. *(За столом.)* Бумаги никаких палить не будем, за исключением адъютантского списка. Свинья я или не свинья? Нет, не свинья. *(В телефон.)* 14-53. Да. Это дивизион? Командира к телефону попросите срочно. Разбудить. *(Пауза.)* Полковник Турбин? Говорит Шервинский. Слушайте, Алексей Васильевич, внимательно: гетман драпу дал. Драпу дал, говорю вам... Нет, до рассвета есть время... Елене Васильевне передайте, чтобы из дома завтра ни в коем случае не выходила... Я приеду утром прятаться. Прощайте. *(Дает отбой.)* И совесть моя чиста и спокойна. *(Звонит.)*

Входит лакей.

Вестовой привез пакет?

Л а к е й. Так точно.

Ш е р в и н с к и й. Сейчас же дайте его сюда.

Лакей выходит, потом возвращается с узлом.

¹ Sogleich! — Сию минуту! *(нем.)*

Благодарю вас.

Лакей (*растерян*). Позвольте узнать, что с их светлостью?

Шервинский. Что это за вопросы? Вы хороший человек, Федор. В вашем лице есть что-то... этакое... привлекательное... пролетарское. Гетман изволит почивать. И вообще — молчите.

Лакей. Так-с.

Шервинский. Федор, из адъютантской уборной принесите мне мое полотенце, бритву и мыло.

Лакей. Газету прикажете?

Шервинский. Совершенно верно. И газету.

Лакей выходит в левую дверь. Шервинский в это время надевает штатское пальто и шляпу, снимает шпоры. Свою шашку и шашку Новожильцева увязывает в узел. Появляется лакей.

Идет мне эта шляпа?

Лакей. Как же-с. Бритвочку в карман возьмете?

Шервинский. Бритву в карман... Ну-с... Дорогой Федор, позвольте вам на память оставить пятьдесят карбованцев.

Лакей. Покорнейше благодарю.

Шервинский. А также пожать вашу честную трудовую руку. Не удивляйтесь, я демократ по натуре. Федор, я адъютантом никогда не служил.

Лакей. Понятно.

Шервинский. Во дворце никогда не был, вас не знаю. Вообще, я оперный артист...

Лакей. Неужто ходу дал?

Шервинский. Смылся.

Лакей. Ах, прощелыга!

Шервинский. Неописуемый бандит!

Лакей. А нас всех, стало быть, на произвол судьбы.

Шервинский. Вы же видите. Вам-то еще полгоря, но какво мне. Ну, дорогой Федор, как ни приятно беседовать с вами... Слышите?

Далекий пушечный гул. Звонок телефона.

Слушаю. А! Капитан! Да! Бросайте все к чертовой матери и бегите. Значит, знаю, что говорю. Шервинский. Всего хорошего! До свидания! (*От двери.*) Знаете что? Берите себе весь этот кабинет. Что вы смотрите? Чудак! Вы сообразите, какое одеяло выйдет из этой портьеры. (*Исчезает.*)

Пауза. Звонок по телефону.

Лакей. Слушаю... Чем же я вам помогу? Бросайте все к чертовой матери и бегите... Федор говорит... Федор!..

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Появляется пустое, мрачное помещение. Надпись: «Штаб 1-й Кинной Дивизии». Штандарт голубой с желтым. Керосиновый фонарь у входа. Вечер. За окнами изредка стук лошадиных копыт. Тихо наигрывает гармоника — знакомые мотивы. Внезапно за стеной свист, удары.

Телефонист (*в телефон*). Це я, Франько, — вновь включився в цепь. В цепь, как жу! Слухаете? Це штаб кинной дивизии.

Телефон поет сигналы. Шум за сценой. Ураган и Кирпатый в красных хвостах на папах вводят дезертира с чеви ка. Лицо у него окровавленное.

Болботун. Що такое?

Ураган. Дезертира поймали, пан полковник.

Болботун. Якого полку?

Молчание.

Якого полку, я тебя спрашиваю?

Молчание.

Телефонист. Та це ж я! Я из штабу, Франько, — включився в цепь!

Болботун. Що ж ты, бога душу твою мать! А? Що ж ты. У то время, як всякий честный казак вийшов на защиту Украинської республики вид белогвардейцев та коммунистив, у то время, як всякий хлибороб встал в ряды украинської армии, ты ховаєшься в кусты? А ты знаєшь, що роблють з нашими хлиборобами гетьманські офіцеры, а там комиссары? Живых у землю зарывають! Чув? Так я ж тебе самого закопаю у могилу! Самого! Сотника Галаньбу!

Голос за сценой: «Сотника требуют к полковнику!» Суета.

Де ж вы его взяли?..

Кирпатый. По-за штабелями, сукин сын, бежав, ховався!

Болботун. Ах ты, зараза, зараза.

Входит Галаньба, холоден, черен, с черным шлыком.

Допросить, пан сотник, дезертира...

Галаньба (*с холодным лицом*). Якого полку?

Молчание.

Дезертир (*плача*). Я не дезертир. Змилуйтесь, пан сотник! Я до лазарету пробывався. У меня ноги поморожены зовсим.

Т е л е ф о н и с т (*в телефон*). Де ж диспозиция? Прохаю ласково. Командир кинной дивизии прохае диспозицию. Вы слухаете?

Г а л а н ь б а. Ноги поморожены? А чему ж це ты не взяв посвидченья вид штабу своего полка? А? Якого полку? (*Замахивается.*)

Слышно, как лошади идут по бревенчатому мосту.

Д е з е р т и р. Второго сечевого.

Г а л а н ь б а. Знаем вас — сечевиков. Все зрадники. Изменники. Большевики. Скидай сапоги, скидай. И если ты не поморозив ноги, а брешешь, то я тебя тут же расстреляю. Хлопцы! Фонарь!

Т е л е ф о н и с т. Пришлить нам ординарца для согласования. В Слободку! Так! Так! Слухаю!

Фонарем освещают дезертира.

Г а л а н ь б а (*вынув маузер*). И вот тебе условие: ноги здоровые, — будешь ты у меня на том свете. Отойдите сзади, чтобы я в кого-нибудь не попал.

Дезертир садится на пол, разувается. Молчание.

Б о л б о т у н. Це правильно. Щоб другим був пример.

К и р п а т ы й (*со вздохом*). Поморожены... Правду казав.

Г а л а н ь б а. Записку треба було узять. Записку. Сволочь! А не бежать из полка...

Д е з е р т и р. Нема у кого. У нас ликаря в полку нема. Никого нема. (*Плачет.*)

Г а л а н ь б а. Взять его под арест! И под арестом до лазарету! Як ему ликарь ногу перевяжет, вернуть его сюды в штаб и дать ему пятнадцать шомполив, щоб вин знав, як без документов бегать с своего полку.

У р а г а н (*выводя*). Иди, иди!

За сценой гармоника. Голос поет уныло: «Ой, яблочко, куда котишься, к гайдамакам попадешь, не воротисься...» Тревожные голоса за окном: «Держи их! Держи их! Мимо мосту... Побиглы по льду...»

Г а л а н ь б а (*в окно*). Хлопцы, що там? Що??

Г о л о с. Якись жиды, пан сотник, мимо мосту по льду дали ходу из Слободки.

Г а л а н ь б а. Хлопцы! Разведка! По коням! По коням! Садись! Садись! Кирпаты! А ну, проскочить за ними! Тильки живыми вызьмит! Живыми!

Топот за сценой. Появляется Ураган, вводит человека с корзиной.

Человек. Миленькие, я ж ничего. Что вы! Я ремесленник.

Галаньба. С чем задержали?

Человек. Помилуйте, товарищ военный...

Галаньба. Шо? Товарищ? Кто ж тут тебе товарищ?

Человек. Виноват, господин военный.

Галаньба. Я тебе не господин. Господа с гетманом в городе вси сейчас. И мы твоим господам кишки повыматываем. Хлопец, дай, тебе близче. Урежь этому господину по шее. Теперь бачишь, яки господа тут? Видишь?

Человек с корзиной. Вижу.

Галаньба. Осветить его, хлопцы! Мени щесь здається, шо вин коммунист.

Человек с корзиной. Что вы! Что вы, помилуйте! Я, изволите ли видеть, сапожник.

Болботун. Шо-то ты дуже гарно розмовляєшь на московской мови.

Человек с корзиной. Калущкие мы, ваше здоровье. Калужской губернии. Да уж и жизни не рады, что сюда, на Украину к вам, заехали. Сапожник я.

Галаньба. Документ!

Человек с корзиной. Паспорт? Сию минуту. Паспорт у меня чистый, можно сказать.

Галаньба. С чем корзина? Куда шел?

Человек с корзиной. Сапоги в корзине, ваше... бла... ва... сапожки... с... Мы на магазин работаем. Сами в Слободке живем, а сапоги в город носим.

Галаньба. Почему ночью?

Человек с корзиной. Как раз в самый раз, к утру в городе.

Болботун. Сапоги... Ого-го... Це гарно!

Ураган вскрывает корзину.

Человек с корзиной. Виноват, уважаемый гражданин, они не наши, из хозяйского товару.

Болботун. Из хозяйского? Це наикраще. Хозяйский товар хороший товар. Хлопцы, берите по паре хозяйского товару.

Разбирают сапоги.

Человек с корзиной. Гражданин военный министр! Мне без этих сапог погибать. Прямо форменно в гроб ложиться! Тут на две тысячи рублей... Это хозяйское...

Болботун. Мы тебе расписку дадим.

Человек с корзиной. Помилуйте, что ж мне расписка!
(Бросается к Болботуну, тот дает ему в ухо. Бросается к Галаньбе.)

Господин кавалерист! На две тысячи рублей. Главное, что если б я буржуй был бы или, скажем, большевик...

Галаньба дает ему в ухо. Человек садится на землю.

(Растерянно.) Что ж это такое делается? А впрочем, берите на снабжение армии... Пропадай все. Только уж позвольте и мне парочку за компанию. *(Начинает снимать сапоги.)*

Болботун. Ты шо ж, смеешься, гнида? Отойди от корзины. Долго ты будешь крутиться под ногами? Долго? Ну, терпение мое лопнуло. Хлопцы, расступитесь. *(Берется за револьвер.)*

Человек. Что вы! Что вы! Что вы!

Болботун. Геть отсюда!

Человек *(бросается к двери. [1Сталкивается с Кирпатым, который втаскивает окровавленного еврея. Крестится.] Берите все, только душу на покаяние отпустите.*

Галаньба. А-а... Добро пожаловать.

Гайдамак. Двоих, пан сотник, подстрелили, а этого удалось взять живьем, согласно приказа.

Еврей. Пан сотник!

Галаньба. Ты не кричи. Не кричи...

Еврей. Пан старшина! Шо вы хотите зробыть со мною?

Галаньба. Шо треба, то и зробим. *(Пауза.)* Ты чего шел по льду?

Еврей. Шо б мне лопнули глаза, шо б я не побачив бильше солнца, я шел повидать детей в городе. Пан сотник, в мене дити малы в городе.

Болботун. Через мост треба ходить до детей! Через мост!

Еврей. Пан генерал! Ясновельможный пан! На мосту ворта, ваши хлопцы. Они гарны хлопцы, тильки жидов не любят. Вони мене уже били утром и через мост не пустили.

Болботун. Ну, видно, мало тебя били.

Еврей. Пан полковник шутит. Веселый пан полковник, дай ему Бог здоровья!

Болботун. Я? Я — веселый. Ты нас не бойся. Мы жидов любимо, любимо.

Слабо слышна гармоника.

Ты перекрестись, перекрестись.

Еврей. Я перекрещусь с удовольствием. *(Крестится.)*

Смех.

¹ Квадратными скобками на стр. 43—45 отмечена сцена, которая была выброшена цензурой и восстановлена автором. — *Прим. ред.*

Г а й д а м а к. Испугался жид.
 Бол б о т у н. А ну кричи: хай живе вильна Украина!
 Ев ре й. Хай живе вильна Украина!

Хохот.

Г а л а н ь б а. Ты патриот Украины?

Молчание. Галаньба внезапно ударяет еврея шомполом.

Обыщите его, хлопцы!

Ев ре й. Пане...

Г а л а н ь б а. Зачем шел в город?

Ев ре й. Клянусь, к детям.

Г а л а н ь б а. Ты знаешь что: кто ты? Ты шпион!

Бол б о т у н. Правильно!

Ев ре й. Клянусь — нет!

Г а л а н ь б а. Сознавайся, что робыл у нас в тылу?

Ев ре й. Ничего. Ничего, пане сотник, я портной, здесь в Слободке живу, в мене здесь старуха-мать...

Бол б о т у н. Здесь у него мать, в городе дети. Весь земной шар занял!

Г а л а н ь б а. Ну, я вижу, с тобой не сговоришь. Хлопец, открой фонарь! Подержите его за руки. *(Жжет лицо.)*

Ев ре й. Пане... Пане... Бойтесь Бога... Що вы робыте! Я не могу больше! Не могу! Пощадите!

Г а л а н ь б а. Сознаешься, сволочь?

Ев ре й. Сознаюсь.

Г а л а н ь б а. Шпион...

Ев ре й. Да! Да! *(Пауза.)* Нет! Нет! Не признаюсь. Я ни в чем не признаюсь. Це я от боли... Панове, у меня дети, жена... Я портной. Пустите! Пустите!

Г а л а н ь б а. Ах, тебе мало? Хлопцы, руку, руку ему держите!

Ев ре й. Убейте меня лучше! Сознаюсь! Убейте!

Г а л а н ь б а. Що робыл в тылу?

Ев ре й. Хлопчик, родненький, миленький, отставь фонарь, все скажу. Шпион я! Да! Да! О, мой бог!

Г а л а н ь б а. Коммунист?

Ев ре й. Коммунист.

Бол б о т у н. Жида не коммуниста не бывае на свете. Як жид — коммунист.

Ев ре й. Нет! Нет! Что мне сказать, пане? Що мне сказать? Тильки не мучьте. Не мучьте! Злодеи! Злодеи! Злодеи! *(В исступлении вырывается, бросается в окно.)* Я не шпион!

Г а л а н ь б а. Тримай его, хлопцы! Держи!

Г а й д а м а к и. В прорубь выскочит.

Галаньба стреляет еврея в спину.

Еврей (*падая*). Будьте вы про...

Болботун. Эх, жаль!.. Эх, жаль!..

Галаньба. Держать нужно было.

Г а й д а м а к. Легкою смертью помер, собака.

Грабят тело.]

Т е л е ф о н и с т (*по телефону*). Слушаю!.. Слушаю!.. Слава! Слава!
Пан полковник! Пан полковник!

Болботун (*в телефон*). Командир первой кинной дивизии полковник Болботун... Я вас слушаю. Так... так... Выезжаю зараз. (*Галаньбе*.) Пан сотник, прикажите швидче, чтоб все четыре полка сдидились на конь! Подступы к городу взяли! Слава! Слава!

Ураган.

Кирпатый. } Слава! Наступление!

Суета.

Галаньба (*в окно*). Садись! Садись! По коням!

За окном гул: «Ура!» Галаньба убегает.

Болботун. Снимай аппарат! Коня мне!

Телефонист снимает аппарат. Суета.

Ураган. Коня командиру!

Голоса: «Перший курень рысью марш. Другой курень рысью марш...» За окном топот, свист. Все выбегают со сцены. Потом гармоника гремит пролетая...

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вестибюль Александровской гимназии. Ружья в козлах. Ящики, пулеметы. Гигантская лестница. Портрет Александра I наверху. В стеклах рассвет. За сценой грохот: дивизион с музыкой проходит по коридорам гимназии.

Николка (*за сценой запекает на нелепый мотив солдатской песни*).

Дышала ночь восторгом сладострастья,
Неясных дум и трепета полна!

Свист.

Юнкера (*оглушительно поют*).

Я вас ждала с безумной жадой счастья,
Я вас ждала и млела у окна!

Свист.

Николка поет.

Студзинский (*на площадке лестницы*). Дивизион, стой!

Дивизион за сценой останавливается с грохотом.

Отставить! Капитан!

Мышлаевский. Первая батарея! На месте! Шагом марш!

Дивизион марширует.

Студзинский. Ножку! Ножку!

Мышлаевский. Ать! Ать! Ать! Батарея, стой!

1-й офицер. Вторая батарея, стой!

Дивизион останавливается.

Мышлаевский. Батарея, можете курить! Вольно!

За сценой гул и говор.

1-й офицер (*Мышлаевскому*). У меня, господин капитан, двадцати двух не хватает. По-видимому, дали ходу. Студентики!

2-й офицер. Вообще чепуха свинячья. Ничего не разберешь.

1-й офицер. Что ж командир не едет? В шесть назначено выходить, а сейчас без четверти семь.

Мышлаевский. Тише, поручик, во дворец по телефону вызвали. Известия есть, сейчас приедет. (*Юнкерам.*) Что, озябли?

Юнкер. Так точно, господин капитан, прохладно.

Мышлаевский. Отчего ж вы стоите на месте. Синий, как покойник. Потопчитесь, разомнитесь. После команды «вольно» вы не монумент. Каждый сам себе печка. Пободрей! Эй, первый взвод, в восьмой класс парты ломать, печи топить! Живо!

Юнкера (*кричат*). Братцы, вали в класс! Парты ломать, печки топить!

Шум, суета.

Максим (*появляется из каморки, в ужасе*). Ваше превосходительство, что ж это вы делаете такое? Партами печи топить. Что ж это за поношение! Мне господином директором велено...

1-й офицер. Явление четырнадцатое...

Мышлаевский. А чем же, старик, печи топить?

Максим. Дровами, батюшка, дровами... Только дров нет.

Мышлаевский. Ну, спасибо тебе за сообщение. (*Грозно.*) Как-тись отсюда, старик, колбасой к чертовой матери! Эй, второй взвод, какого черта?..

Максим. Господи боже мой, угодники святители! Что же это делается. Татары, чистые татары. Много войска было... (*Уходит. Кричит за сценой.*) Господа военные, что ж это вы делаете!

Юнкера (*ломают парты, пилят их, топят печь. Поют.*)

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...
Ах вы, сашки-канашки мои!..

(*Печально.*)

Помилуй нас, Боже, в последний раз...

Внезапный близкий разрыв. Пауза. Суета.

Юнкер. Это по нас, господин капитан, пожалуй.

Мышлаевский. Вздор. Петлюра плюнул.

Песня замирает.

1-й офицер. Я думаю, господин капитан, что придется в пешем строю с Петлюрой повидаться? Интересно, какой он из себя?

2-й офицер (*мрачен*). Узнаешь, не спеши.

Мышлаевский. Наше дело маленькое, но зато верное. Прикажут, повидаем. (*Юнкерам.*) Юнкера, какого ж вы... Чего скисли? Веселей!

Юнкера.

И когда по белой лестнице
Вы пойдете в синий край...

Юнкер (*подлетает к Студзинскому*). Командир дивизиона!

Студзинский. Дивизион, смирно! Господа офицеры! Господа офицеры!

Алексей (*входит, Студзинскому*). Список! Скольких нету?

Студзинский (*тихо*). Двадцати двух человек.

Алексей. Позвольте-ка мне его сюда.

Студзинский. Слушаю. (*Подает список.*)

Алексей (*рвет список*). Наша застава на Демиевке?

Студзинский. Так точно!

Алексей. Вернуть ее сейчас же сюда!
 Студзинский (*юнкеру*). Вернуть заставу!
 Юнкер. Слушаю. (*Убегает.*)

Алексей. Приказываю дивизиону внимательно слушать то, что я ему объявляю.

Тишина.

За ночь в нашем положении, в положении всей русской армии, я бы сказал, в государственном положении Украины произошли резкие и внезапные изменения... Поэтому я объявляю вам, что наш дивизион я распускаю.

Мертвая тишина.

Борьба с Петлюрой закончена. Приказываю всем, в том числе и офицерам, снять с себя погоны, все знаки отличия и немедленно же бежать и скрыться по домам. (*Пауза.*) Я кончил. Исполнять приказание!

Студзинский. Господин полковник, Алексей Васильевич!

Алексей. Молчать, не рассуждать!

3-й офицер. Что такое? Это измена!

Шевеление, гул.

Его надо арестовать!

Шум.

Юнкера. Арестовать!.. Мы ничего не понимаем!.. Как арестовать?.. Что ты, взбесился?! Петлюра ворвался... Вот так штука! Я так и знал!.. Тише!..

1-й офицер. Что это значит, господин полковник?

3-й офицер. Эй, первый взвод, за мной!

Вбегают растерянные юнкера с винтовками.

Николка. Что вы, господа, что вы делаете?

2-й офицер. Арестовать его! Он передался Петлюре!

3-й офицер. Господин полковник, вы арестованы!

Мышлаевский (*удерживая 3-го офицера*). Пойдите, поручик!

3-й офицер. Пустите меня, господин капитан! Руки прочь!

Юнкера, взять его!

Мышлаевский. Юнкера, назад!

Студзинский. Алексей Васильевич, посмотрите, что делается.

Николка. Назад!

Студзинский. Назад, вам говорят! Не слушать младших офицеров!

1-й офицер. Господа, что это?

2-й офицер. Господа!

Суматоха. В руках у офицеров револьверы.

3-й офицер. Не слушать старших офицеров!

Юнкер. В дивизионе бунт!

1-й офицер. Что вы делаете?

Студзинский. Молчать! Смирно!

3-й офицер. Взять его!

Алексей. Молчать! Я буду еще говорить!

Юнкера. Не о чем разговаривать! Не хотим слушать! Не хотим слушать! Равняйтесь по командиру второй батареи!

Николка. Дайте ему сказать!

3-й офицер. Тише, юнкера, дайте ему высказаться, мы его не выпустим отсюда!

Мышлаевский. Уберите своих юнкеров назад сию секунду!

1-й офицер. Смирно! На месте!

Юнкера. Смирно! Смирно! Смирно!

Алексей. Да... Очень я был бы хорош, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал Господь Бог в вашем лице. Но, господа, то, что простиительно юноше-добровольцу, непростительно (*3-му офицеру*) вам, господин поручик! Я думал, что каждый из вас поймет, что случилось несчастье, что у командира вашего язык не поворачивается сообщить позорные вещи. Но вы недогадливы. Кого вы желаете защищать? Ответьте мне.

Молчание.

Отвечать, когда спрашивает командир! Кого?

3-й офицер. Гетмана обещали защищать.

Алексей. Гетмана? Отлично! Сегодня в три часа утра гетман бросил на произвол судьбы армию, бежал, переодевшись германским офицером, в германском поезде, в Германию. Так что, в то время как поручик собирается защищать его, его давно уже нет.

Юнкера. В Берлин! О чем он говорит?! Не хотим слушать!

Гул. В окнах рассвет.

Алексей. Но этого мало. Одновременно с этой канальей бежала по тому же направлению другая каналья, его сиятельство командующий армией князь Белоруков. Так что, друзья мои, не только некого защищать, но даже и командовать нами некому. Ибо штаб князя дал ходу вместе с ним.

Гул.

Юнкера. Быть не может! Быть не может этого! Это ложь!

Алексей. Кто крикнул «ложь»? Кто крикнул «ложь»? Я только что из штаба. Я проверил все эти сведения. Я отвечаю за каждое мое

слово! И так... Вот мы, нас двести человек. А там — Петлюра. Да что я говорю — не там, а здесь. Друзья мои, его конница на окраинах города! У него двухсоттысячная армия, а у нас на месте мы, четыре пехотных дружины и три батареи. Понятно? Тут один из вас вынул револьвер по моему адресу. Он меня страшно испугал. Мальчишка!

3-й офицер. Господин полковник.

Алексей. Молчать! Ну, так вот-с. Если при таких условиях вы все вынесли бы постановление защищать... что? кого?.. Одним словом, идти в бой, — я вас не поведу, потому что в балагане я не участвую, и тем более, что за этот балаган заплатите своею кровью и совершенно бессмысленно — вы.

Николка. Штабная сволочь!

Гул и рев.

Юнкера. Что же нам делать теперь? В гроб ложиться! Позор!.. Поди ты к черту! Что ты, на митинге? Стоять смирно! В капкан загноили.

Юнкер *(вбегает с плачем)*. Кричали вперед, вперед, а теперь — назад. Найду гетмана — убью!

1-й офицер. Убрать эту бабу к черту! Юнкера, слушайте: если то, что говорит полковник, верно, равняться на меня! На Дон! На Дон! Достанем эшелоны, и к Деникину!

Юнкера. На Дон!.. К Деникину! Легкое дело, что ты несешь! На Дон! На Дон!

Студзинский. Алексей Васильевич, верно, надо все бросить. Вывезем дивизион на Дон!

Алексей. Капитан Студзинский! Не смей! Я командую дивизионом! Молчать! На Дон! Слушайте вы, там, на Дону, вы встретите то же самое, если только на Дон проберетесь. Вы встретите таких же генералов и ту же штабную ораву.

Николка. Такую же штабную сволочь!

Алексей. Совершенно верно. Они вас заставят драться с собственным народом. А когда он вам расколет головы, они убегут за границу... Я знаю, что в Ростове то же самое, что и в Киеве. Там дивизионы без снарядов, там юнкера без сапог, а офицеры сидят в кофейнях. Слушайте меня, друзья мои!.. Мне, боевому офицеру, поручили вас толкнуть в драку. Было бы за что! Но не за что. Я публично заявляю, что я вас не поведу и не пушу! Я вам говорю: белому движению на Украине конец. Ему конец в Ростове-на-Дону, всюду! Народ не с нами. Он против нас. Значит, кончено! Гроб! Крышка! И вот я, кадровый офицер, Алексей Турбин, вынесший войну с германцами, чему свидетели капитаны Студзинский и Мышлаевский,

на свою совесть и ответственность принимаю все, все принимаю и, любя вас, посылаю домой.

Рев голосов. Внезапный разрыв.

Срывают погоны, бросайте винтовки и немедленно по домам!

Юнкера срывают погоны, бросают винтовки.

Мышлаевский (*кричит*). Тише! Господин полковник, разрешите зажечь здание гимназии?

Алексей. Не разрешаю.

Пушечный удар. Дрогнули стекла.

Мышлаевский. Пулемет!

Студзинский. Юнкера, домой!

Мышлаевский. Юнкера, бей отбой, по домам!

Труба за сценой. Юнкера и офицеры разбегаются.

Николка ударяет винтовкой в ящик с выключателями. Наступает тьма.

Все исчезает.

Долгая пауза.

Алексей (*сидит и рвет бумаги*). Ты кто такой?

Максим. Я сторож здешний.

Алексей. Пошел отсюда вон, убьют тебя здесь.

Максим. Ваше высокоблагородие, куда ж это я отойду? Мне отходить нечего от казенного имущества. В двух классах парты поломали, такого убытку наделали, что я и выразить не могу. А свет... Ведь что ж это делать мне теперь? Ведь это чистый погром! Много войска бывало, а такого — извините...

Алексей. Старик, уйди ты от меня.

Максим. Меня теперь хоть саблей рубите, я уйти не могу. Мне сказано господином директором...

Алексей. Ну, что тебе сказано господином директором?

Максим. Максим, ты один останешься... Максим, гляди.

Алексей. Ты, старичок, русский язык понимаешь? Убьют тебя. Уйди куда-нибудь в подвал, скройся там, чтоб духу твоего не было.

Максим. А кто отвечать-то будет? Максим за все отвечай. Всякие — за царя и против царя были, солдаты оголтелые, но чтоб парты ломать... Царица Небесная...

Алексей. Куда списки девались? (*Разбивает шкаф ногой.*)

Максим. Ваше высокопревосходительство, ведь у него ключ есть. Гимназический шкаф, а вы ножкой. (*Отходит, крестится.*)

Пушечный удар.

Алексей. Так его! Даешь! Даешь! Концерт! Музыка! Ну! Попадешься ты мне когда-нибудь, пан гетман! Гадина!

Мышлаевский появляется наверху. В окна пробивается легонькое зарево.

Максим. Ваше превосходительство, хоть вы ему прикажите. Что ж это такое? Шкаф ногой взломал!

Мышлаевский. Старик, не путайся под ногами. Пошел вон.

Максим. Татары, прямо татары. *(Исчезает.)*

Мышлаевский *(издали)*. Алеша. Зажег я цейггауз. Будет Петлюра шиш иметь вместо шинелей.

Алексей. Ты, бога ради, не задерживайся.

Мышлаевский. Дело маленькое. Сейчас вкачу еще две бомбы в сено, и ходу. Ты-то чего сидишь?

Алексей. Пока застава не прибежит, не могу!

Мышлаевский. Алеша, надо ли? А?

Алексей. Ну что ты говоришь, капитан!

Мышлаевский. Я тогда с тобой останусь.

Алексей. На что ты мне нужен, Виктор. Приказываю: к Елене сейчас же! Карауль ее! Я следом за вами. Да что вы, взбесились все, что ли? Будете ли вы слушать или нет?

Мышлаевский. Ладно, Алеша. Бегу к Ленке!

Алексей. Николка, погляди, ушел ли? Гони его в шею, ради бога!

Мышлаевский. Ладно! Алеша, смотри не рискуй!

Алексей. Учи ученого!

Мышлаевский исчезает.

Серьезно, и весьма, весьма серьезно... И когда по белой лестнице... Вот застава засыпется... Ах ты боже мой!

Николка *(появляется наверху, крадется)*. Алеша!

Алексей. Ты что же, шутки со мной вздумал шутить, что ли?

Сию минуту домой, снять погоны! Вон!

Николка. Я без тебя, полковник, не пойду.

Алексей. Что? *(Вынул револьвер.)*

Николка. Стреляй, стреляй в родного брата.

Алексей. Болван!

Николка. Ругай, ругай родного брата. Я знаю, чего ты сидишь. Знаю. Ты, командир, смерти от позора ждешь, вот что! Ну, так я тебя буду караулить. Ленка меня убьет.

Алексей. Эй, кто-нибудь! Взять юнкера Турбина! Капитан Мышлаевский!

Николка. Все уже ушли!
Алексей. Ну, ладно же! Я с тобой дома поговорю.

Шум и топот.

Юнкера (*застава, пробегая*). Конница Петлюры в Киев провалилась! Конница за нами следом! Ходу!

Алексей. Юнкера! Слушать команду! Подвальным ходом на Подол! Срывайте погоны по дороге!

За сценой приближающийся лихой свист, глухо звучит гармоника: «И шумит, и гудит...»

Бегите, бегите! Я вас прикрою! (*Бросается к окну наверху.*) Беги, я тебя умоляю. Ленку пожалей!

Стекла лопнули. Алексей падает.

Николка. Господин полковник! Алешка, Алешка, что ты наделал?!

Алексей. Унтер-офицер Турбин, брось героичество, к чертям! (*Смолкает.*)

Николка. Господин полковник, этого быть не может! Алеша, поднимись!

Топот и гул. Вбегают гайдамаки.

Ураган. Тю! Бачь, бачь! Тримай его, хлопцы, тримай!

Кирпатый стреляет в Николку.

Галаньба (*вбегая*). Живьем! Живьем возмечь его, хлопцы!

Николка отползает вверх по лестнице, оскалился.

Кирпатый. Ишь волчонок! Ах, сукино отродье!

Ураган. Не уйдешь! Не уйдешь!

Гайдамаки появляются.

Николка. Висельники, не дамся! Не дамся, бандиты! (*Бросается с перил и исчезает.*)

Кирпатый. Ах, сукин сын, циркач! (*Стреляет.*)

Галаньба. Что ж вы выпустили его, хлопцы! Эх!

Гармоника: «И шумит, и гудит...» За сценой крик: «Слава, слава!» Трубы за сценой. Болботун, за ним гайдамаки со штандартами. Знамена плывут вверх по лестнице и оглушительный марш.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Турбиных. Рассвет. Электричества нет. Горит свеча на ломберном столе.

Л а р и о с и к. Елена Васильевна, дорогая! Располагайте мною как хотите. Я оденусь и пойду их искать.

Е л е н а. Ах нет, нет. Что вы, Лариосик?! Вас убьют на улице. Будем ждать. Боже мой, еще зарево. Какой ужасный рассвет! Что там делается? Я только хотела бы одно знать, где они?

Л а р и о с и к. Да... Боже мой, как ужасна Гражданская война!

Е л е н а. Знаете что: я женщина, меня не тронут. Я пойду посмотрю, что делается на улице.

Л а р и о с и к. Елена Васильевна! Я вас не пушу. Что вы! Что вы! Да я... я вас не пушу... Что мне скажет Алексей Васильевич. Он велел ни в коем случае не пускать вас на улицу, и я дал ему слово.

Е л е н а. Я близко...

Л а р и о с и к. Елена Васильевна!

Е л е н а. Хотя бы узнать, в чем дело...

Л а р и о с и к. Я иду...

Е л е н а. Оставьте это... Будем ждать...

Л а р и о с и к. Ваш супруг очень хорошо сделал, что отбыл. Это очень мудрый поступок. Он переждет в Берлине в безопасности всю эту ужасную кутерьму и вернется.

Е л е н а. Мой супруг? Мой супруг... имени моего супруга больше в доме не упоминайте. Слышите?

Л а р и о с и к. Хорошо, Елена Васильевна... Всегда я найду что сказать вовремя... Может быть, вам чаю подогреть? Я бы поставил самоварчик...

Е л е н а. Нет, не надо... Не хочется...

Стук.

Л а р и о с и к. Ага! Вот кто-то!.. Пойдите, пойдите, не открывайте, Елена Васильевна, сразу. Кто там?

Ш е р в и н с к и й. Это я! Я... Шервинский...

Е л е н а. Слава богу! (*Открывает.*) Что это значит? Катастрофа?

Ш е р в и н с к и й. Петлюра город взял!

Л а р и о с и к. Взял? Боже, какой ужас!

Е л е н а. Где же наши? Погибли? Как взял?

Ш е р в и н с к и й. Не волнуйтесь, Лена... Елена Васильевна. Что вы! Все в полном порядке!

Е л е н а. Как в порядке?

Ш е р в и н с к и й. Не волнуйтесь, Елена Васильевна. Они сейчас вернуться...

Елена. Где же они? В бою?

Шервинский. Успокойтесь, Елена Васильевна. Они не успели выйти из гимназии. Я предупредил.

Елена. А гетман? Войска?

Шервинский. Гетман сегодня ночью бежал.

Елена. Бежал? Бросил армию?

Шервинский. Точно так. И князь Белоруков. *(Снимает пальто.)*

Елена. Подлецы!

Шервинский. Неописуемые прохвосты!

Лариосик. А почему свет не горит?

Шервинский. Обстреляли станцию.

Лариосик. Ай-ай-ай...

Шервинский. Елена Васильевна, можно у вас спрятаться? Теперь офицеров будут искать.

Елена. Ну конечно!

Шервинский. Я счастлив, что вы живы и здоровы.

Елена. Что ж вы теперь будете делать?

Шервинский. Я в оперу поступаю.

Стук.

Спросите, кто там...

Лариосик. Кто там?

Мышлаевский *(за сценой)*. Свои, свои...

Лариосик открывает.

Входят Мышлаевский и Студзинский.

Елена. Слава тебе господи. А где же Алеша и Николай?

Мышлаевский. Спокойно, спокойно, Лена, сейчас придут. Не бойся ничего. Улицы еще свободны. А уж он тут? Ну, стало быть, ты все знаешь...

Елена. Спасибо, все. Ну, немцы, немцы!

Студзинский. Ничего, ничего, когда-нибудь вспомним мы все. Ничего...

Мышлаевский. Здравствуй, Ларион!

Лариосик. Вот, Витенька, какие ужасные происшествия. Ай-ай-ай!

Мышлаевский. Да уж, происшествия первого сорта...

Елена. Господи, на кого вы похожи. Идите к огню, я вам сейчас самовар поставлю.

Шервинский *(от камина)*. Помочь вам, Лена?

Елена. Не надо. Сидите. *(Убегает.)*

Мышлаевский. Здоровеньки булы, пане личный адъютант.

Чему же вы без аксельбантов?.. «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части»... И прослезился. За ноги вашу мамашу!

Шервинский. Что означает этот балаганный тон?

Мышлаевский. Балаган получился, оттого и тон балаганный. Ты же сулил и государя императора, и за здоровье светлости пил. Кстати, где эта светлость в настоящее время?

Шервинский. Зачем тебе?

Мышлаевский. А вот зачем: если бы мне попалась сейчас эта самая светлость, взял бы я ее за ноги и хлопал бы головой о мостовую до тех пор, пока не почувствовал бы полного удовлетворения. А вашу штабную ораву в уборной следует утопить!

Шервинский. Господин Мышлаевский, прошу не забываться!

Мышлаевский. Мерзавцы!

Шервинский. Что-о?

Лариосик. Зачем же ссориться?

Студзинский. Сию же минуту, как старший, прошу прекратить этот разговор. Совершенно нелепо и ни к чему не ведет! Чего ты, в самом деле, пристал к человеку. Поручик, успокойтесь.

Шервинский. Поведение капитана Мышлаевского в последнее время нестерпимо...

Лариосик. Господи! Зачем же...

Шервинский. И главное — хамство! Я, что ль, виноват в катастрофе. Напротив, я всех вас предупредил. Если бы не я, еще вопрос — сидел бы он сейчас здесь живой или нет!

Студзинский. Совершенно верно, поручик. И мы вам очень признательны.

Елена (*входит*). Что это такое? В чем дело?

Студзинский. Не извольте беспокоиться, Елена Васильевна. Все будет спокойно. Я вам ручаюсь. Идите к себе.

Елена уходит.

Извинись, ты не имеешь никакого права.

Мышлаевский. Ну ладно, брось, Леонид! Я погорячился. Ведь такая обида!

Шервинский. Довольно странно...

Студзинский. Бросьте, совсем не до этого. (*Садится к огню.*)

Пауза.

Мышлаевский. Где Алеша с Николаем, в самом деле?

Студзинский. Я сам беспокоюсь, чего он там застрял?! Пять минут жду, а после этого пойду навстречу...

Пауза.

Мышлаевский. Обязательно. (Пауза.) Что ж, он, стало быть, при тебе ходу дал?

Шервинский. При мне, я был до последней минуты.

Мышлаевский. Замечательное зрелище, клянусь Богом. Дорого бы дал, чтобы присутствовать при этом! Что ж ты не пришиб его, как собаку?

Шервинский. Спасибо. Ты бы пошел и сам его пришиб!

Мышлаевский. Пришиб бы, будь спокоен. Что ж тебе, по крайней мере, сказали на прощанье?

Шервинский. Что ж сказал? Обнял, поблагодарил за верную службу...

Мышлаевский. И прослезился?

Шервинский. Да, прослезился...

Лариосик. Прослезился. Скажите пожалуйста!

Мышлаевский. Уж не подарил ли чего-нибудь на прощанье? Например, золотой портсигар с монограммой?

Шервинский. Да, подарил портсигар.

Мышлаевский. Вишь, черт!.. Ты меня извини, Леонид, боюсь, что ты опять рассердишься. Человек ты, в сущности, неплохой, но есть у тебя странности...

Шервинский. Что ты хочешь этим сказать?

Мышлаевский. Да как бы выразиться... Тебе бы писателем быть... Фантазия у тебя богатая... Прослезился... Не хочется мне затруднять... ну а если бы я сказал: покажи портсигар!

Шервинский молча показывает портсигар.

Студзинский. Ах, черт возьми!

Мышлаевский. Убил! Действительно, монограмма.

Шервинский. Капитан Мышлаевский, что нужно сказать?

В окно передней бросили снегом.

Мышлаевский. Сию минуту. При вас, господа, прошу у него извинения.

Лариосик. Я в жизни не видал такой красоты! Ого! Целый фунт, вероятно, весит?

Шервинский. Восемьдесят четыре золотника.

В окно бросили снегом.

Постойте, господа!

Встают.

Мышлаевский. Не люблю фокусов... Почему не через дверь?.. И где Алеша?.. *(Вынимает револьвер.)*

Студзинский. Черт возьми!.. А тут это барахло! *(Схватывает амуницию, бросает под диван.)*

Шервинский. Господа, вы поосторожнее с револьверами. Лучше выбросить. *(Прячет портсигар за портьеру.)*

Все идут к окну, осторожно заглядывают.

Студзинский. Ах, я себе простить не могу!

Мышлаевский. Что за дьявольщина!

Лариосик. Ах, боже мой! *(Кинулся известить Елену.)* Елена...

Мышлаевский. Куда ты, черт?.. С ума сошел!.. Да разве можно!.. *(Зажал ему рот.)*

Все выбегают. Пауза. Вносят Николку.

Тихонько, тихонько... Ленку, Ленку надо убрать куда-нибудь... Боже мой!.. Алеша-то где же? Убить меня мало. Кладите, кладите... прямо на пол... Снегом... Снегом...

Студзинский. Лучше бы на диван. Ищи рану, рану ищи...

Шервинский. Голова разбита!

Студзинский. Кровь в сапоге... Снимайте сапоги...

Шервинский. Давайте перенесем его... туда... нельзя же на полу, в самом деле...

Мышлаевский. Невозможно. Застонет, — Ленку напугаем. Кладите на диван!

Студзинский. Режь сапог!.. Режь сапог!..

Мышлаевский. У Алешки бинты в кабинете... Волоките скорее сюда!

Шервинский и Лариосик убегают.

Иод, иод захватите! Господи боже мой, как он подвернулся? Что такое?.. Где Алеша?

Шервинский и Лариосик прибегают с иодом и бинтами.

Студзинский. Бинтуй, бинтуй голову... Осторожно!..

Лариосик. Он умирает?

Николка *(приходя в себя)*. О!..

Мышлаевский. С ума сойти!.. Говори одно только слово: где Алеша?

Студзинский. Где Алексей Васильевич?

Николка. Господа...

Мышлаевский. Что?

Елена входит стремительно.

Леночка, ты не волнуйся. Упал он и головой ударился. Страшного ничего нет.

Елена. Да его ранили. Что ты говоришь?

Николка. Нет, Леночка, нет...

Елена. А где Алексей? Где Алексей? (*Настойчиво.*) Ты же с ним был. Отвечай одно слово — где Алексей?

Мышлаевский. Что же делать теперь?

Студзинский (*Мышлаевскому*). Этого не может быть. Не может...

Елена. Ты что же молчишь?

Николка. Леночка... Сейчас...

Елена. Не лги! Только не лги!

Мышлаевский делает знак Николке: «Молчи».

Студзинский. Елена Васильевна...

Шервинский. Лена, что вы...

Елена. Ну, все понятно! Убили Алексея!

Мышлаевский. Что ты, что ты, Лена! Успокойся, что ты? С чего ты взяла?!

Елена. Ты посмотри на его лицо. Посмотри. Да что мне лицо. Я ведь чувствовала, еще когда он уходил, знала, что так кончится.

Студзинский (*Николке*). Говорите, что с ним?!

Шервинский. Лена, перестаньте... Дайте воды...

Елена. Ларион! Алешу убили! Ларион! Алешу убили! Позавчера вы с ним за столом сидели — помните? А его убили.

Лариосик. Елена Васильевна, миленькая...

Шервинский. Лена, Лена!..

Елена. А вы?! Старшие офицеры! Старшие офицеры! Все пришли, а командира убили?!

Мышлаевский. Лена, пожалей нас, что ты говоришь. Мы все исполняли его приказание. Все. Пойми, он приказал провожать юнкеров.

Студзинский. Нет, она совершенно права! Я кругом виноват! Нельзя было его оставить! Ладно! Я старший офицер, и я свою ошибку поправлю! (*Хочет уйти.*)

Мышлаевский. Куда? Нет, стой! Нет, стой!

Студзинский. Убери руки!

Мышлаевский. Ну нет! Что ж, я один останусь? Я один! Ты ни в чем ровно не виноват! Ни в чем! Я его видел последний, предупредил и все исполнил. Лена!

Студзинский. Капитан Мышлаевский, сию минуту выпустите меня!

Мышлаевский. Отдай револьвер! Шервинский.

Шервинский. Вы не имеете права! Вы что, еще хуже сделать хотите? Вы не имеете права! (*Держит Студзинского.*)

Мышлаевский. Лена, прикажи ему! Все из-за твоих слов. Возьми у него револьвер!

Елена. Я от горя сказала. У меня помутилось в голове. Отдайте револьвер!

Студзинский (*истерически*). Никто не смеет меня упрекать! Никто! Никто! Все приказания полковника Турбина я исполнил!

Елена. Никто! Никто! Я обезумела! (*Бросает револьвер.*)

Мышлаевский. Николка, говори... Лена, будь мужественна. Мы его найдем... Говори начистоту...

Николка. Убили командира.

Елена падает в обморок.

Занавес

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Через два месяца. Крешенский Сочельник 19-го года. Квартира освещена. Елена и Лариосик убирают елку.

Лариосик (*на лесенке*). Я полагаю, что эта звезда... (*Таинственно прислушался.*) Нет, это мне послышалось... Глубокоуважаемая и дорогая Елена Васильевна, уверяю вас, это конец. Они взяли город.

Елена. Не спешите, Лариосик, ничего еще не известно.

Лариосик. Верный признак — стрельбы нет. Откровенно вам признаюсь, Елена Васильевна, мне страшно надоела стрельба за эти два месяца. Я не люблю.

Елена. Я разделяю ваш вкус. (*Прислушалась.*) Да нет...

Лариосик. Я полагаю, что эта звезда здесь будет очень уместна. Ах, господи, я свечи уронил...

Елена. Слезайте, Лариосик, а то я боюсь, что вы себе голову разобьете. Ничего, ничего, там еще есть одна коробка.

Лариосик. Вот — елка на ять, как говорит Витенька. Хотел бы я видеть человека, который бы сказал, что елка некрасива. Дорогая Елена Васильевна, если бы вы знали... Елка напоминает мне невозвратные дни моего детства в Житомире... Огни... Елочка зеленая... (*Пауза.*) Впрочем, здесь мне лучше, чем в детстве. Мне не хочется никуда уходить. Так бы и сидел весь век под елкой у ваших ног, и никуда бы меня не сдвинули.

Елена. Вы бы соскучились. Вы страшный поэт, Ларион.

Л а р и о с и к. Нет, уж какой я поэт! Куда там, к черту!.. Ах, извините, Елена Васильевна.

Е л е н а. Прочтите, прочтите что-нибудь новенькое. Ну, прочтите. Мне очень нравятся ваши стихи. Вы очень способны.

Л а р и о с и к. Вы искренно говорите?

Е л е н а. Совершенно искренно.

Л а р и о с и к. Ну, хорошо, хорошо, я прочитаю. Посвящается... Ну, одним словом, посвящается... Нет, не буду я вам читать эти стихи.

Е л е н а. Почему?

Л а р и о с и к. Нет, зачем же.

Е л е н а. А кому посвящается?

Л а р и о с и к. Одной женщине.

Е л е н а. Секрет?

Л а р и о с и к. Секрет... Вам.

Е л е н а. Спасибо вам, милый.

Л а р и о с и к. Что мне спасибо... Эх... из спашиба шинели не сошьешь... Ох, извините, это я от Мышлаевского заразился. Все такие выражения повторяются...

Е л е н а. Я вижу. По-моему, вы в Мышлаевского влюблены.

Л а р и о с и к. Нет. Я в вас влюблен.

Е л е н а. Не надо в меня влюбляться, Ларион, не надо.

Л а р и о с и к. Знаете что, выйдите за меня замуж.

Е л е н а. Вы трогательный, Ларион, только это невозможно.

Л а р и о с и к. Он не придет... А как же вы будете одна? Одна! Какое страшное слово. Без поддержки, без участия. Хотя, конечно, я поддержка довольно парши... слабая. Но я вас буду очень любить всю жизнь. Вы — мой идеал. Он не придет. Теперь в особенности, когда наступают большевики, он не вернется.

Е л е н а. Я знаю, он не вернется. Но не в этом дело. Если б он даже и вернулся, моя жизнь с ним окончена.

Л а р и о с и к. Его отрезали... А у меня сердце обливалось кровью, когда я видел, что вы остались одна. Ведь на вас было страшно смотреть, ей-богу.

Е л е н а. Разве уж я такая плохая была?

Л а р и о с и к. Ужас! Кошмар! Лицо желтое-прежелтое!

Е л е н а. Что вы выдумываете, Ларион!

Л а р и о с и к. Но теперь вы лучше, гораздо лучше... румяная-пре-румяная...

Е л е н а. Вы, Лариосик, неподражаемый человек. Идите ко мне, я вас в лоб поцелую, в лоб...

Л а р и о с и к. В лоб? Эх, в лоб так в лоб! Черная моя звезда! Конечно, разве можно полюбить меня?

Е л е н а. Очень даже можно. Только у меня есть роман.

Л а р и о с и к. Что? У кого? У вас? Не может быть!

Е л е н а. Позвольте, разве уж я не гожусь?

Л а р и о с и к. Что вы! Нет! Не вы! Кто он? Кто он? Я его знаю?

Е л е н а. И очень хорошо.

Л а р и о с и к. Стойте, стойте, стойте, стойте!.. Молодой человек... вы ничего не видали... Ходи с короля... А я-то думал, что это сон. Проклятый счастливец!

Е л е н а. Лариосик, это нескромно!

Л а р и о с и к. Я ухожу, я ухожу.

Е л е н а. Куда, куда?

Л а р и о с и к. За водкой к армянину. И напьюсь до бесчувствия.

Е л е н а. Так я вам и позволила. Ларион, я буду вам другом.

Л а р и о с и к. Читал, читал в романах... Как «буду другом», так, значит, конечно, крышка, конец! *(Надевает пальто.)*

Е л е н а. Лариосик, возвращайтесь скорее.

Лариосик сталкивается в передней с входящим Ш е р в и н с к и м. Тот в мерзком пальто, в шапке, в синих очках.

Л а р и о с и к. Кто это?

Ш е р в и н с к и й. Здравствуйте.

Л а р и о с и к. Ах, здравствуйте, здравствуйте. *(Исчезает.)*

Е л е н а. Бог мой, на кого вы похожи!

Ш е р в и н с к и й. Ну, спасибо, Елена Васильевна, я уж попробовал! Сегодня еду на извозчике, а уж какие-то пролетарии по тротуарам так и шныряют. И один говорит: «Ишь, украинский барин! Ну, подожди до завтра, завтра мы вас с извозчиков снимаем!» Мерси. У меня глаз опытный. Я, как на него посмотрел, сразу понял, что надо ехать домой и переодеться. Поздравляю вас, Петлюре крышка! Сегодня ночью красные будут. Стало быть, начинается советская республика и тому подобное...

Е л е н а. Чему же вы радуетесь? Можно подумать, что вы сами большевик!

Ш е р в и н с к и й. Я сочувствующий, а пальтишко это я у дворника напрокат взял. Беспартийное пальтишко.

Е л е н а. Сию минуту извольте снять эту гадость.

Ш е р в и н с к и й. Слушаю-с! *(Снимает пальто, шляпу, калоши, очки, остается в ослепительном фракном костюме.)* Вот, поздравьте, только что с дебюта. Пел и принят.

Е л е н а. Поздравляю вас.

Ш е р в и н с к и й. Ах, Лена... Как Николка?

Е л е н а. Сегодня начал подниматься. Сейчас, вероятно, отдыхает.

Ш е р в и н с к и й. Лена, Лена...

Е л е н а. Пустите... Пойдите, зачем же баки вы сбрили?

Ш е р в и н с к и й. Гримироваться удобнее.

Е л е н а. Большевиком вам так удобнее гримироваться. Не бойтесь, никто вас не тронет. У, хитрое, малодушное создание!

Ш е р в и н с к и й. Еще бы тронули человека, у которого в голосе две полные октавы да еще две ноты вверху!.. Лена, пока никого нет, я приехал объясниться.

Е л е н а. Объяснитесь.

Ш е р в и н с к и й. Лена, вот все кончилось... Николка выздоровел, Петлюру выгоняют, я дебютировал, — вообще начинается новая жизнь. Все хорошо. Томиться так больше невозможно. Он не придет, его отрезали. Разводись с ним и выходи за меня. Лена, я не плохой, ей-богу, я не плохой. А то ведь это мученье. Ты одна скучаешь.

Е л е н а. Ты справишься?

Ш е р в и н с к и й. А от чего мне, Леночка, исправляться?

Е л е н а. Леонид, я стану вашей женой, если вы изменитесь, и прежде всего перестанете лгать. Срам! Государя императора в портъере видел. И прослезился... И ничего подобного не было. Эта длинная — меццо-сопрано, а оказывается, она просто продавщица в кофейне Сомадени...

Ш е р в и н с к и й. Леночка, она очень недолго служила, пока без ангажемента была.

Е л е н а. У нее, кажется, был ангажемент.

Ш е р в и н с к и й. Лена, клянусь памятью покойной мамы, а также и папы, у нас ничего не было. Я ведь сирота.

Е л е н а. Мне все равно. Мне не интересны ваши грязные тайны. Важно другое: чтобы ты перестал хвастать и лгать. Единственный раз рассказал правду про портсигар, и то никто не поверил, доказательство пришлось предъявлять.

Ш е р в и н с к и й. Про портсигар я именно все наврал. Гетман мне его не дарил, не обнимал и не прослезился. Просто он его на столе забыл, а я его подобрал.

Е л е н а. Стащил со стола? Боже мой, этого еще не доставало! Дайте его сюда!

Ш е р в и н с к и й. Леночка, но папиросы в нем — мои.

Е л е н а. Молчи. Счастлив ваш Бог, что вы догадались об этом сами сказать. А вот если бы я узнала!..

Ш е р в и н с к и й. А как бы вы узнали?

Е л е н а. Дикарь!

Ш е р в и н с к и й. Вовсе нет. Леночка, я, знаете ли, очень изменился за эти два месяца. Сам себя не узнаю, честное слово! Катастрофа на меня подействовала, смерть Алеши тоже, да... Я теперь иной. А материально ты не беспокойся, Ленуша. Я ведь — ого-го... Сегодня на дебюте спел, а режиссер мне говорит: «Вы, говорит, Лео-

нид Юрьевич, изумительные надежды подаете. Вам бы, говорит, надо ехать в Москву, в Большой театр...» Обнял меня и...

Елена. И что?

Шервинский. И ничего... Пошел по коридору.

Елена. Неисправим!

Шервинский. Леночка!

Елена. Что ж мы будем делать с Тальбергом?

Шервинский. Развод, развод. Ты его адрес знаешь? Телеграмму ему и письмо о том, что все кончено, кончено.

Елена. Ну, хорошо! Тоскливо мне и скучно. И одиноко. Хорошо, согласна.

Шервинский. Ты победил, Галилеянин! Лена! *(Указывает на портрет Тальберга.)* Я требую выбросить его в срочном порядке. Он — оскорбление для меня. И я его видеть не могу.

Елена. Ого, какой тон!

Шервинский *(ласково)*. Я его, Леночка, видеть не могу. *(Рвет портрет из рамки, бросает на диван.)* Крыса! И совесть моя чиста и спокойна. Лена, поиграй мне. Идем к тебе. А то ведь два месяца мы словом не перемолвились. Все на людях да на людях.

Елена. Да ведь придут сейчас. Ну, идем.

Уходят, закрывают дверь. Слышен рояль. Шервинский великолепным голосом поет Эпиталаму из «Нерона».

Николка *(входит, в черной шапочке, на костылях. Бледен и слаб)*. Елена! Елена! Ты слышишь?.. А! Репетируют! *(Видит пустую раму портрета.)* А, вышибли. Понимаю. Я давно догадывался. Ну, репетируйте. *(Ложится на диван.)*

Лариосик *(появляется в передней)*. Николаша! Что ж ты сам? Позволь, позволь, я тебе сейчас подушку принесу. *(Приносит подушку Николке.)*

Николка. Не беспокойся, Ларион. Видно, Ларион, я так калеккой и останусь.

Лариосик. Ну что ты, Николаша, как тебе не совестно! Что ты! Что ты!

Николка. Их еще нету?

Лариосик. Будут скоро. Обозы сейчас, понимаешь ли, по улицам едут. И на них эти, с красными хвостами. Видно, здорово их поколотили большевики.

Николка. Так им и надо!

Лариосик. Тем не менее, несмотря на всю эту кутерьму, водочку достал! Единственный раз в жизни мне свезло! Думал, ни за что не достану. Такой уж я человек! Погода была великолепная, когда я выходил. Звезды блещут, пушки не стреляют... Ну, думаю, небо яс-

но, все обстоит в природе благополучно, но стоит мне показаться на тротуаре, как обязательно пойдет снег. И действительно, вышел, мокрый снег лепит в самое лицо. Погода точь-в-точь такая, как в тот вечер, когда я приехал к вам, Николаша. Вот она, водочка! Принес! Пусть видит Мышлаевский, на что я способен. Два раза упал, затылком трахнулся, но водку удержал в руках.

Шервинский за сценой: «Ты любовь благословляешь...»

Николка. Смотри, видишь, нету портрета. Потрясающая новость. Елена расходится с мужем. И сердце мое чувствует, что она за Шервинского выйдет.

Лариосик *(разбил бутылку)*. Уже?

Николка. Э, Лариосик! Э-э!..

Лариосик. Как, уже?

Николка. Что ты, Ларион, что ты? А, тоже взрезался?

Лариосик. Никол, когда речь идет об Елене Васильевне, такие слова, как «врезался», неуместны. Она золотая!

Николка. Рыжая она, Ларион, рыжая. Прямо несчастье! Оттого всем и нравится, что рыжая. Все ухаживают. Кто ни увидит, сейчас же букеты начинают таскать. Так что у нас в квартире букеты все время, как веники, стояли. А Тальберг злился. Собирай, Лариосик, осколки поскорее. А то сейчас Мышлаевский придет, он тебя убьет.

Лариосик. Ты ему не говори. *(Собирает осколки.)*

Звонок. Лариосик выпускает Мышлаевского и Студзинского, оба в штатском.

Мышлаевский. Здравствуй, Ларион! Здорово, братцы, Петлюра город оставляет!

Студзинский. Красные в Слободке. Через полчаса будут здесь.

Мышлаевский. Завтра, таким образом, здесь получится советская республика... Позвольте, водкой пахнет! Ей-богу, водкой! Кто пил водку раньше времени? Сознавайтесь. Что ж это делается в этом богоспасаемом доме!! Вы водкой полы моете?! Я знаю, чья это работа! Что ты бьешь все?! Это в полном смысле слова — золотые руки! К чему ни притронется — бац — осколки! Ну, если уж у тебя такой зуд, — бей сервизы!

За сценой все время рояль.

Лариосик. Какое ты имеешь право делать мне замечания! Я не желаю!

Мышлаевский. Что это на меня все кричат? Скоро бить начнут! Впрочем, я сегодня добрый почему-то. Мир, Ларион, я на тебя уже не сержусь.

Николка. А почему стрельбы нет?

Студзинский. Тихо, вежливо идут. И без всякого боя!

Лариосик. И главное — удивительнее всего, что все радуются, даже буржуи недорезанные. До того всем Петлюра осточертел!

Николка. Интересно, как большевики выглядят.

Мышлаевский. Увидишь, увидишь.

Лариосик. Капитан, ваше мнение?

Студзинский. Не знаю, ничего не понимаю теперь. Лучше всего нам подняться и уйти вслед за Петлюрой. Как мы, белогвардейцы, уживемся с ними? Не представляю.

Мышлаевский. Куда за Петлюрой?

Студзинский. Пристроиться к какому-нибудь обозу и уйти в Галицию.

Мышлаевский. А потом куда?

Студзинский. А там на Дон, к Деникину, и биться с большевиками.

Мышлаевский. Так, опять, стало быть, к генералам под команду. Очень остроумный план. Жаль, жаль, что лежит Алешка в земле, а то бы он много интересного мог рассказать про генералов. Но жаль, успокоился командир.

Студзинский. Не терзай мою душу, не вспоминай.

Мышлаевский. Нет, позвольте, его нет, так я говорю... Опять в армию, опять биться?.. «и прослезился»?.. Спасибо, я уже смеялся. В особенности, когда Алешку повидал в анатомическом театре.

Николка заплакал.

Лариосик. Николашка, Николашка, что ты, погоди!

Мышлаевский. Довольно! Я воюю с девятьсот четырнадцатого года. За что? За отечество! А когда это отечество бросило меня на позор? И я опять иди к этим светлостям! Ну, нет, — видали? (*Показывает шиш.*) Шиш!

Студзинский. Изъясняйся, пожалуйста, словами.

Мышлаевский. Я сейчас изъяснюсь, будьте благонадежны. Что я, идиот, в самом деле? Нет. Я, Виктор Мышлаевский, заявляю, что больше я с этими мерзавцами генералами дела не имею. Я кончил.

Николка. Капитан Мышлаевский большевиком стал.

Мышлаевский. Да, ежели угодно, я за большевиков, только против коммунистов.

Лариосик. Позволь тебе сказать, что это одно и то же. Большевизм и коммунизм.

Мышлаевский (*передразнивая*). «Большевизм и коммунизм». Ну, тогда и за коммунистов...

Студзинский. Слушай, капитан, ты упомянул слово «отечест-

во». Какое же отечество, когда большевики. Россия — кончена. Вот, помнишь, командир говорил, и был прав командир: вот они, большевики!..

Мышлаевский. Большевики... великолепно, очень рад!

Студзинский. Да ведь они тебя мобилизуют.

Мышлаевский. И пойду, и буду служить.

Студзинский. }
Николка. } Почему?!

Мышлаевский. А вот почему. Потому. Потому что у Петлюры, вы говорите, — сколько? Двести тысяч! Вот эти двести тысяч пятаки салом смазали и дуют при одном слове «большевик». Видал? Чисто! Потому что за большевиками мужички тучей... А я им всем что могу противопоставить: рейтузы с кантом? А они этого канта видеть не могут... Сейчас же за пулеметы берутся. Не угодно ли?.. Спереди красногвардейцы, как стена, сзади спекулянты и всякая рвань с гетманом, а я посредине. Слуга покорный. Мне надоело изображать навоз в проруби. Пусть мобилизуют! По крайней мере, я знаю, что буду служить в русской армии.

Студзинский. Они Россию прикончили. Да они нас все равно расстреляют.

Мышлаевский. И отлично. Заберут в Чека, по матери обложат и выведут в расход. И им спокойнее, и нам.

Студзинский. Я с ними буду биться.

Мышлаевский. Пожалуйста. Надевай шинель! Валяй, дуй! Шпарь к большевикам, кричи им — не пушу! Николку с лестницы уже сбросили. Голову видал? А тебе ее и вовсе оторвут! И правильно — не лезь! Теперь пошли дела богоносные.

Лариосик. Я против ужасов Гражданской войны. В сущности, зачем проливать кровь?

Мышлаевский. Ты на войне был?

Лариосик. У меня, Витенька, белый билет. Слабые легкие. И кроме того, я — единственный сын при моей маме.

Мышлаевский. Правильно, товарищ белобилетник.

Студзинский. Была у нас Россия — великая держава.

Мышлаевский. И будет, будет.

Студзинский. Да, будет, — ждите!

Мышлаевский. Прежней не будет, новая будет. А ты вот что мне скажи. Когда вас расхлопают на Дону, а что расхлопают, я вам предсказываю, и когда ваш Деникин даст деру за границу... а я вам это тоже предсказываю, тогда куда?

Студзинский. Тоже за границу.

Мышлаевский. Нужны вы там, как пушке третье колесо, куда ни приедете, в харю наплюют. Я не поеду, буду здесь, в России.

И будь с ней что будет... Ну и кончено, довольно, я закрываю собрание.

Студзинский. Я вижу, что я одинок.

Шервинский (*вбегает*). Позвольте, господа, не закрывайте собрание. Вот что: Елена Васильевна Тальберг разводится с мужем своим, бывшим полковником генерального штаба, и выходит...

Входит Елена.

Лариосик. Ах!

Мышлаевский. Брось, Ларион, куда нам с суконным рылом в калашный ряд. Лена, ясная, позволь я тебя обниму и поцелую.

Студзинский. Поздравляю вас, Елена Васильевна.

Мышлаевский. Ларион, поздравь, — неудобно!

Лариосик. Поздравляю вас и желаю вам счастья.

Мышлаевский. Лена, ясная... Ну а ты молодец! Ведь такая женщина. По-английски говорит, на фортепьяно играет. И в то же время самоварчик может поставить. Я сам бы на тебе, Лена, с удовольствием женился.

Елена. Я бы за тебя, Витенька, не вышла.

Мышлаевский. Ну и не надо. Я тебя и так люблю. Я, по преимуществу, человек холостой и военный. Люблю, чтобы дома было уютно, без женщин и без детей, как в казарме... Ларион, наливай!

Шервинский. Погодите, господа. Не пейте это вино! Я вам шампанского налью. Вы знаете, какое это вино? Ого-го-го!.. (*Взглянул на Елену, смутился.*) Обыкновенное Абрау-Дюрсо. Три с полтиной бутылка... среднее винишко...

Мышлаевский. Леночкина работа. Лена, рыжая, ты умница! Женись, Шервинский, ты совершенно здоров! Ну, поздравляю вас и желаю вам...

Дверь в переднюю открывается, входит Тальберг в штатском пальто, в снегу, с чемоданом.

Тальберг. Дверь почему-то не заперта.

Мышлаевский. Это номер!

Тальберг. Здравствуй, Лена. Виноват, кажется, мое появление удивляет почтенное общество? Здравствуй, Лена! Немного странно! Казалось бы, я мог больше удивляться, застав на своей половине столь веселую компанию в столь трудное время. Здравствуй, Лена. Что это значит?

Шервинский. А вот что...

Елена. Погоди, Леонид. Вот что: господа, прошу вас, выйдите все на минутку, оставьте нас вдвоем с Владимиром Робертовичем.

Шервинский. Лена, я не хочу.

Мышлаевский. Пстой, пстой, все уладится. Соблюдай спокойствие. Ты слушайся ее. Нам выкатываться, Леночка?

Елена. Да.

Мышлаевский. Я знаю, ты умница. В случае чего кликни меня. Персонально. Ну что ж, господа, покурим, пойдём к Лариону.

Шервинский. Я тебя прошу...

Мышлаевский. Я за все отвечаю. Прошу, господа.

Шервинский. Пстой!

Мышлаевский. Я тебя прошу.

Все уходят, и дверь закрывается.

Тальберг. Что все это значит, прошу объяснить. Что за шутки! Где Алексей?

Елена. Алексея убили.

Тальберг. Не может быть... Когда?

Елена. Два месяца тому назад, через два дня после вашего отъезда.

Тальберг. Ах, боже мой, конечно, ужасно. Но ведь я же предупреждал, ты помнишь?

Елена. А Николка калека.

Тальберг. Но согласишься, ведь это никак не причина для этой глупой демонстрации. Я же не виноват во всем этом.

Елена. Скажите, как же вы вернулись? Ведь сегодня большевики будут... сейчас...

Тальберг. Я прекрасно в курсе дела. Гетманщина оказалась глупой опереткой. Немцы нас обманули. Но в Берлине мне удалось получить командировку к генералу Краснову на Дон. Киев надо бросить совсем. Я за тобой.

Елена. Я, видите ли, с вами развожусь и выхожу замуж за Шервинского.

Тальберг. Очень хорошо! Ага! Очень хорошо, очень хорошо! Воспользоваться моим отсутствием для устройства пошлого романа. Ты...

Елена. Виктор!

Мышлаевский. Лена, ты меня уполномочиваешь объясниться?

Елена. Да!

Мышлаевский. Понял.

Пауза. Елена уходит. Ухватив Тальберга за глотку, вынимает револьвер.

Вон!

Тальберг набрасывает на плечи пальто, берет чемодан и уходит.

Мышлаевский. Лена! Персонально!

Елена. Ну?!

Мышлаевский. Уехал, развод дает. Очень мило поговорили.

Елена. Спасибо, Виктор! (*Убегает.*)

Мышлаевский. Рад стараться. Ларион!

Лариосик. Уже уехал?

Мышлаевский. Уехал!

Лариосик. Ты гений, Витенька.

Мышлаевский. Я гений — Игорь Северянин. Туши свет, зажигай елку.

Лариосик поворачивает штепсель, и елка вспыхивает электрическими лампочками. Входят Шервинский, Студзинский и Елена.

Студзинский. Очень красиво! И как стало сразу уютно!

Мышлаевский. Ларионова работа. Bravo, bravo! Ну-ка, Ларион, сыграй нам марш.

Лариосик выбегает и начинает на рояле бравурный марш. Николка выходит, ложится на диван.

Ну вот, все в полном порядке. Давайте же поздравим вас начисто. Ларион, довольны.

Лариосик входит с гитарой, передает ее Николке.

Поздравляю тебя, Лена ясная, раз и навсегда. Забудь обо всем, и вообще — ваше здоровье. (*Пьет.*)

Николка трогает струны гитары.

Лариосик. Огни... огни...

Николка (*напевает тихо*). Скажи мне, кудесник, любимец богов...

Мышлаевский. Ларион. Скажи нам речь. Ты мастер.

Лариосик. Я, господа, право, не умею. И, кроме того, я очень застенчив.

Мышлаевский. Ларион говорит речь.

Лариосик. Что ж, если обществу угодно, — я скажу. Только прошу извинить: ведь я не готовился. Мы встретились в самое трудное и страшное время, и все мы пережили очень, очень много, и я в том числе. Я ведь тоже перенес жизненную драму. Впрочем, я не то... И мой утлый корабль долго трепало по волнам Гражданской войны...

Мышлаевский. Очень хорошо про корабль, очень.

Лариосик. Да, корабль. Пока его не прибило в эту гавань с кремовыми шторами, к людям, которые мне так понравились... Впрочем, и у них я застал драму... Но не будем вспоминать о печалях... Время повернулось, и сгинул Петлюра. Мы живы... да... все снова

вместе... И даже больше этого. Елена Васильевна, она тоже много перенесла и заслуживает счастья, потому что она замечательная женщина. И мне хочется сказать ей словами писателя: «Мы отдохнем, мы отдохнем...»

Далекие пушечные удары.

Мышлаевский. Так! Отдохнули!.. Пять... шесть... девять...

Елена. Неужто бой опять?

Шервинский. Нет. Знаете что: это салют.

Мышлаевский. Совершенно верно: шестидюймовая батарея салютует.

Далекая глухая музыка.

...Большевики идут!

Все идут к окну.

Николка. Господа, знаете, сегодняшний вечер — великий пролог к новой исторической пьесе.

Студзинский. Для кого — пролог, а для меня — эпилог.

Занавес

Конец

ФЕЛЬЕТОНЫ И ОЧЕРКИ



В КАФЕ

Кафе в тыловом городе.

Покрытый грязью пол. Туман от табачного дыма. Липкие грязные столики.

Несколько военных, несколько дам и очень много штатских.

На эстраде пианино, виолончель и скрипка играют что-то разухабистое.

Пробираюсь между столиками и усаживаюсь.

К столику подходит барышня в белом передничке и вопросительно смотрит на меня.

— Будьте любезны, дайте стакан чаю и два пирожных.

Барышня исчезает, потом возвращается и с таким видом, как будто делает мне одолжение, ставит предо мной стакан с желтой жидкостью и тарелочку с двумя сухими пирожными.

Смотрю на стакан.

Жидкость по виду отдаленно напоминает чай.

Желтая, мутная.

Пробую ложечкой.

Тепленькая, немного сладкая, немного противная.

Закуриваю папиросу и оглядываю публику.

За соседний столик с шумом усаживается компания: двое штатских господ и одна дама.

Дама хорошо одета, шуршит шелком.

Штатские производят самое благоприятное впечатление: рослые, румяные, упитанные. В разгаре призывного возраста. Одеты прелестно.

На столике перед ними появляется тарелка с пирожными и три стакана кофе по-варшавски.

Начинают разговаривать.

До меня обрывками долетают слова штатского в лакированных ботинках, который сидит поближе ко мне.

Голос озабоченный.

Слышно:

— Ростов... можете себе представить... немцы... китайцы... паника... они в касках... сто тысяч конницы...

И опять:

— Ростов... паника... Ростов... конница...

— Это ужасно, — томно говорит дама. Но видно, что ее мало тревожит и стотысячная конница, и каски. Она, щурясь, курит папироску и блестящими глазами оглядывает кафе.

А лакированные ботинки продолжают шептать.

Фантазия моя начинает играть.

Что было бы, если я внезапно чудом, как в сказке, получил бы вдруг власть над всеми этими штатскими господами?

Ей-богу, это было бы прекрасно!

Тут же в кафе я встал бы и, подойдя к господину лакированных ботинок, сказал:

— Пойдемте со мной!

— Куда? — изумленно спросил бы господин.

— Я слышал, что вы беспокоитесь за Ростов, я слышал, что вас беспокоит нашествие большевиков.

— Это делает вам честь.

— Идемте со мной, — я дам вам возможность записаться немедленно в часть. Там вам моментально дадут винтовку и полную возможность проехать на казенный счет на фронт, где вы можете принять участие в отражении ненавистных всем большевиков.

Воображаю, что после этих слов сделалось бы с господином в лакированных ботинках.

Он в один миг утратил бы свой чудный румянец, и кусок пирожного застрял бы у него в горле.

Оправившись немного, он начал бы бормотать.

Из этого несвязного, но жаркого лепета выяснилось бы прежде всего, что наружность бывает обманчива.

Оказывается, этот цветущий, румяный человек болен... Отчаянно, непоправимо, неизлечимо вдребезги болен! У него порок сердца, грыжа и самая ужасная неврастения. Только чуду можно приписать то обстоятельство, что он сидит в кофейной, поглощая пирожные, а не лежит на кладбище, в свою очередь поглощаемый червями.

И наконец, у него есть врачебное свидетельство!

— Это ничего, — вздохнувши, сказал бы я, — у меня у самого есть свидетельство, и даже не одно, а целых три. И тем не менее, как видите, мне приходится носить английскую шинель (которая, к слову сказать, совершенно не греет) и каждую минуту быть готовым к тому, чтоб оказаться в эшелоне, или еще к какой-нибудь неожиданности военного характера. Плюньте на свидетельства! Не до них теперь! Вы сами только что так безотрадно рисовали положение дел...

Тут господин с жаром залепетал бы дальше и стал бы доказы-

вать, что он, собственно, уже взят на учет и работает на оборону там-то и там-то.

— Стоит ли говорить об учете, — ответил бы я, — попасть на него трудно, а сняться с него и попасть на службу на фронт — один момент!

Что же касается работы на оборону, то вы... как бы выразиться... Заблуждаетесь! По всем внешним признакам, по всему вашему поведению видно, что вы работаете только над набивкой собственных карманов царскими и донскими бумажками. Это во-первых, а во-вторых, вы работаете над разрушением тыла, шляясь по кофейным и кинематографам и сея своими рассказами смуту и страх, которыми вы заражаете всех окружающих. Согласитесь сами, что из такой работы на оборону ничего, кроме пакости, получиться не может!

Нет! Вы, безусловно, не годитесь для этой работы. И единственно, что вам остается сделать, это отправиться на фронт!

Тут господин стал бы хвататься за соломинку и заявил, что он пользовался льготой (единственный сын у покойной матери, или что-то в этом роде), и наконец, что он и винтовки-то в руках держать не умеет.

— Ради бога, — сказал бы я, — не говорите вы ни о каких льготах. Повторяю вам, не до них теперь! Что касается винтовки, то это чистые пустяки! Уверю вас, что ничего нет легче на свете, чем научиться стрелять из винтовки. Говорю вам это на основании собственного опыта. Что же касается военной службы, то что ж поделаешь! Я тоже не служил, а вот приходится... Уверю вас, что меня нисколько не привлекает война и сопряженные с нею беспокойства и бедствия. Но что поделаешь! Мне самому не очень хорошо, но приходится привыкать! Я не менее, а может быть, даже больше вас люблю спокойную мирную жизнь, кинематографы, мягкие диваны и кофе по-варшавски! Но, увы, я не могу ничем этим пользоваться всласть! И вам и мне ничего не остается, как принять участие так или иначе в войне, иначе нахлынет на нас красная туча, и вы сами понимаете, что будет...

Так говорил бы я, но, увы, господина в лакированных ботинках я не убедил бы.

Он начал бы бормотать или наконец понял бы, что он не хочет... не может... не желает идти воевать...

— Ну-с, тогда ничего не поделаешь, — вздохнув, сказал бы я, — раз я не могу вас убедить, вам просто придется покориться обстоятельствам!

И, обратившись к окружающим меня быстрым исполнителям моих распоряжений (в моей мечте я, конечно, представил и их как

необходимый элемент), я сказал бы, указывая на совершенно убитого господина:

— Проводите господина к воинскому начальнику!

Покончив с господином в лакированных ботинках, я обратился бы к следующему...

Но, ах, оказалось бы, что я так увлекся разговором, что чуткие штатские, услышав только начало его, бесшумно, один за другим, покинули кафе.

Все до одного, все решительно!

Трио на эстраде после антракта начало «Танго». Я вышел из задумчивости. Фантазия кончилась.

Дверь в кафе все хлопала и хлопала.

Народу прибывало. Господин в лакированных ботинках постучал ложечкой и потребовал еще пирожных...

Я заплатил двадцать семь рублей и, пробравшись между занятыми столиками, вышел на улицу.

НЕДЕЛЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Заходит к нам в роту вечером наш военком и говорит мне:

— Сидоров!

А я ему:

— Я!

Посмотрел он на меня пронзительно и спрашивает:

— Ты, — говорит, — что?

— Я, — говорю, — ничего...

— Ты, — говорит, — неграмотный?

Я ему, конечно:

— Так точно, товарищ военком, неграмотный.

Тут он на меня посмотрел еще раз и говорит:

— Ну коли ты неграмотный, так я тебя сегодня вечером отправлю на «Травиату»!

— Помилуйте, — говорю, — за что же? Что я неграмотный, так мы этому не причинны. Не учили нас при старом режиме.

А он отвечает:

— Дурак! Чего испугался? Это тебе не в наказание, а для пользы. Там тебя просвещать будут, спектакль посмотришь, вот тебе и удовольствие.

А мы как раз с Пантелеевым из нашей роты нацелились в этот вечер в цирк пойти.

Я и говорю:

— А нельзя ли мне, товарищ военком, в цирк увольниться вместо театра?

А он прищурил глаз и спрашивает:

— В цирк?.. Это зачем же такое?

— Да, — говорю, — уж больно занятно... Ученого слона выводить будут, и опять же рыжие, французская борьба...

Помахал он пальцем.

— Я тебе, — говорит, — покажу слона! Несознательный элемент! Рыжие... рыжие! Сам ты рыжая деревенщина! Слоны-то ученые, а вот вы, горе мое, неученые! Какая тебе польза от цирка? А? А в театре тебя просвещать будут... Мило, хорошо... Ну одним словом, некогда мне с тобой долго разговаривать... Получай билет, и марш!

Делать нечего — взял я билетик. Пантелеев, он тоже неграмотный, получил билет, и отправились мы. Купили три стакана семечек и приходим в «Первый советский театр».

Видим, у загородки, где впускают народ, — столпотворение вавилонское. Валом лезут в театр. И среди наших неграмотных есть и грамотные, и все больше барышни. Одна было и сунулась к контролеру, показывает билет, а тот ее и спрашивает:

— Позвольте, — говорит, — товарищ мадам, вы грамотная?

А та сдуру обиделась:

— Странный вопрос! Конечно, грамотная. Я в гимназии училась!

— А, — говорит контролер, — в гимназии. Очень приятно. В таком случае позвольте вам пожелать до свидания!

И забрал у нее билет.

— На каком основании, — кричит барышня, — как же так?

— А так, — говорит, — очень просто, потому пускаем только неграмотных.

— Но я тоже хочу послушать оперу или концерт.

— Ну если вы, — говорит, — хотите, так пожалуйста в Кавсоюз. Туда всех ваших грамотных собрали — доктора там, фершала, профессора. Сидят и чай с патокою пьют, потому им сахару не дают, а товарищ Куликовский им романсы поет.

Так и ушла барышня.

Ну а нас с Пантелеевым пропустили беспрепятственно и прямо провели в партер и посадили во второй ряд.

Сидим.

Представление еще не начиналось, и потому от скуки по стаканчику семечек сжевали. Посидели мы так часика полтора, наконец стемнело в театре.

Смотрю — лезет на главное место огороженное какой-то. В шапочке котиковой и в пальто. Усы, борода с проседью и из себя строгий такой. Влез, сел и первым делом на себя пенсне одел.

Я и спрашиваю Пантелеева (он хоть и неграмотный, но все знает):

— Это кто же такой будет?

А он отвечает:

— Это дери, — говорит, — жер. Он тут у них самый главный. Серьезный господин!

— Что ж, — спрашиваю, — почему ж это его напоказ сажают за загородку?

— А потому, — отвечает, — что он тут у них самый грамотный в опере. Вот его для примеру нам, значит, и выставляют.

— Так почему ж его задом к нам посадили?

— А, — говорит, — так ему удобнее оркестром хороводить!..

А дирижер этот самый развернул перед собой какую-то книгу, посмотрел в нее и махнул белым прутиком, и сейчас же под полом заиграли на скрипках. Жалобно, тоненько, ну прямо плакать хочется.

Ну а дирижер этот действительно в грамоте оказался не последний человек, потому два дела сразу делает — и книжку читает, и прутом размахивает. А оркестр нажаривает. Дальше — больше! За скрипками на дудках, а за дудками на барабане. Гром пошел по всему театру. А потом как рывкнет с правой стороны... Я глянул в оркестр и кричу:

— Пантелеев, а ведь это, побей меня бог, Ломбард, который у нас на пайке в полку!

А он тоже заглянул и говорит:

— Он самый и есть! Окромя его, некому так здорово врезать на тромбоне!

Ну я обрадовался и кричу:

— Браво, бис, Ломбард!

Но только, откуда ни возьмись, милиционер, и сейчас ко мне:

— Прошу вас, товарищ, тишины не нарушать!

Ну замолчали мы.

А тем временем занавеска раздвинулась, и видим мы на сцене — дым коромыслом! Которые в пиджаках кавалеры, а которые дамы в платьях танцуют, поют. Ну конечно, и выпивка тут же, и в девятку то же самое.

Одним словом, старый режим!

Ну тут, значит, среди прочих Альфред. Тоже пьет, закусывает.

И оказывается, братец ты мой, влюблен он в эту самую Травиату. Но только на словах этого не объясняет, а все пением, все пением. Ну и она ему тоже в ответ.

И выходит так, что не миновать ему жениться на ней, но только есть, оказывается, у этого самого Альфреда папаша, по фамилии Любченко. И вдруг, откуда ни возьмись, во втором действии он и шасть на сцену.

Роста небольшого, но представительный такой, волосы седые, и голос крепкий, густой — беривтон.

И сейчас же и запел Альфреду:

— Ты что ж, такой-сякой, забыл край милый свой?

Ну пел, пел ему и расстроил всю эту Альфредову махинацию к черту. Напился с горя Альфред пьяный в третьем действии, и устрой он, братцы вы мои, скандал здоровнейший — этой Травиате своей. Обругал ее на чем свет стоит, при всех.

Поет:

— Ты, — говорит, — и такая и этакая, и вообще, — говорит, — не желаю больше с тобой дела иметь.

Ну та, конечно, в слезы, шум, скандал!

И заболей она с горя в четвертом действии чахоткой. Послали, конечно, за доктором.

Приходит доктор.

Ну вижу я, хоть он и в сюртуке, а по всем признакам наш брат — пролетарий. Волосы длинные, и голос здоровый, как из бочки.

Подошел к Травиате и запел:

— Будьте, — говорит, — покойны, болезнь ваша опасная, и непременно вы померете!

И даже рецепта никакого не прописал, а прямо попрощался и вышел.

Ну видит Травиата, делать нечего — надо помирать.

Ну тут пришли и Альфред и Любченко, просят ее не помирать. Любченко уж согласие свое на свадьбу дает. Но ничего не выходит!

— Извините, — говорит Травиата, — не могу, должна помереть.

И действительно, попели они еще втроем и померла Травиата.

А дирижер книгу закрыл, пенсне снял и ушел. И все разошлись. Только и всего.

Ну думаю, слава богу, просветились, и будет с нас! Скучная история!

И говорю Пантелееву:

— Ну Пантелеев, айда завтра в цирк!

Лег спать, и все мне снится, что Травиата поет и Ломбард на своем тромбоне крикает.

Ну-с, прихожу я на другой день к военкому и говорю:

— Позвольте мне, товарищ военком, сегодня вечером в цирк увольниться...

А он как рыкнет:

— Все еще, — говорит, — у тебя слоны на уме! Никаких цирков! Нет, брат, пойдешь сегодня в Совпроф на концерт. Там вам, — говорит, — товарищ Блох со своим оркестром Вторую рапсодию играть будет!

Так я и сел, думаю: «Вот тебе и слоны!»

— Это что ж, — спрашиваю, — опять Ломбард на тромбоне жаривать будет?

— Обязательно, — говорит.

Оказия, прости господи, куда я, туда и он со своим тромбоном!

Взглянул я и спрашиваю:

— Ну а завтра можно?

— И завтра, — говорит, — нельзя. Завтра я вас всех в драму пошлю.

— Ну а послезавтра?

— А послезавтра опять в оперу!

И вообще, говорит, довольно вам по циркам шляться. Настала неделя просвещения.

Осатанел я от его слов! Думаю: этак пропадешь совсем. И спрашиваю:

— Это что ж, всю нашу роту гонять так будут?

— Зачем, — говорит, — всех! Грамотных не будут. Грамотный и без Второй рапсодии хорош! Это только вас, чертей неграмотных. А грамотный пусть идет на все четыре стороны!

Ушел я от него и задумался. Вижу, дело табак! Раз ты неграмотный, выходит, должен ты лишиться всякого удовольствия...

Думал, думал и придумал.

Пошел к военкому и говорю:

— Позвольте заявить!

— Заявляй!

— Дозвольте мне, — говорю, — в школу грамоты.

Улыбнулся тут военком и говорит:

— Молодец! — и записал меня в школу.

Ну походил я в нее, и что вы думаете, выучили-таки! И теперь мне черт не брат, потому я грамотный!

ТОРГОВЫЙ РЕНЕССАНС

Москва в начале 1922-го года

Для того, кто видел Москву всего каких-нибудь полгода назад, теперь она неузнаваема, настолько резко успела изменить ее новая экономическая политика (нэпо, по сокращению, уже получившему права гражданства у москвичей).

Началось это постепенно... понемногу... То тут, то там стали отваливаться деревянные щиты, и из-под них глянули на свет после долгого перерыва запыленные и тусклые магазинные витрины. В глубине запущенных помещений загорелись лампочки, и при свете их зашевелилась жизнь: стали приколачивать, прибивать, чинить, рас-

паковывать ящики и коробки с товарами. Вымытые витрины засияли. Вспыхнули сильные круглые лампы над выставками или узкие ослепительные трубки по бокам окон.

Трудно понять, из каких таинственных недр обнищавшая Москва ухитрилась извлечь товар, но она достала его и щедрой рукой вытряхнула за зеркальные витрины и разложила на полках.

Зашевелились Кузнецкий, Петровка, Неглинный, Лубянка, Мясницкая, Тверская, Арбат. Магазины стали расти как грибы, окропленные живым дождем нэпо... Государственные, кооперативные, артельные, частные... За кондитерскими, которые первые повсюду загорелись огнями, пошли галантерейные, гастрономические, писчебумажные, шляпные, парикмахерские, книжные, технические и, наконец, огромные универсальные.

На оголенные стены цветной волной полезли вывески, с каждым днем новые, с каждым днем все больших размеров. Кое-где они сделаны на скорую руку, иногда просто написаны на полотне, но рядом с ними появились постоянные, по новому правописанию, с яркими аршинными буквами. И прибиты они огромными, прочными костылями.

Надолго, значит.

И старые, погнувшиеся и облупленные железные листы среди них как будто подтягиваются и оживают, и хилые твердые знаки так странно режут глаз.

Дальше больше, шире...

Не узнать Москвы. Москва торгует...

На Кузнецком целый день кипит на обледеневших тротуарах толчея пешеходов, извозчики едут вереницей и автомобили летят, хрипят сигналы.

За сотенными цельными стеклами буйная гамма ярких красок: улыбаются раскрашенными лицами фигурки-игрушки артелей кустарей. Выше, в бывшем магазине Шанкса, из огромных витрин тучей глядят дамские шляпы, чулки, ботинки, меха. Это один из универсальных магазинов Моск. потр. общ. Оно открыло восемь таких магазинов по всей Москве.

На Петровке в сумеречные часы дня из окон на черные от народа тротуары льется непрерывный электрический свет. Блестят окна конфексионеров. Сотни флаконов с лучшими заграничными духами граненых, молочно-белых, желтых, разных причудливых форм и фасонов. Волны материй, груды галстухов, кружева, ряды коробок с пудрой. А вон безжизненно-томно сияют раскрашенные лица манекенов, и на плечи их наброшены бесценные по нынешним временам палантины.

Ожили пассажи.

Громада «Мюр и Мерилиза» еще безмолвно и пусто чернеет своими огромными стеклами, но уже в нижнем этаже исчезли из витрины гигантские раскрашенные карикатуры на Нуланса и По, а из дверей выметают сор. И Москва знает уже, что в феврале здесь откроют универсальный магазин Мосторга с 25 отделениями и прежнего директора Мюра войдут в его правление.

Кондитерские на каждом шагу. И целые дни и до закрытия они полны народу. Полки завалены белым хлебом, калачами, французскими булками. Пирожные бесчисленными рядами устилают прилавки. Все это чудовищных цен. Но цены в Москве давно уже никого не пугают, и сказочные, астрономические цифры миллионов (этого слова уже давно нет в Москве, оно окончательно вытеснено словом «лимон») пропускают за день блестящие, неустанно шелкающие кассы.

В бывшей булочной Филиппова на Тверской, до потолка заваленной белым хлебом, тортами, пирожными, сухарями и баранками, стоят непрерывные хвосты.

Выставки гастрономических магазинов поражают своей роскошью. В них горы коробок с консервами, черная икра, семга, балык, копченая рыба, апельсины. И всегда у окон этих магазинов как зачарованные стоят прохожие и смотрят не отрываясь на деликатесы...

Все 34 гастрономических магазина М.П.О. и частные уже оповестили в объявлениях о том, что у них есть и русское и заграничное вино, и москвичи берут его нарасхват.

В конце ноября «Известия» в первый раз вышли с объявлениями, и теперь ими пестрят страницы всех газет и торговых бюллетеней. А самолеты авиационной группы «Воздушный флот» уже сделали первый опыт разброски объявлений над Москвой, и теперь открыт прием объявлений «С аэроплана». Строка такого объявления стоит 15 руб. на новые дензнаки.

Движение на улицах возрастает с каждым днем. Идут трамваи по маршрутам 3, 6, 7, 16, 17, А и Б, и извозчики во все стороны везут москвичей и бойко торгуются с ними:

— Пожалуйте, господин! Рублик без лишнего (100 тыс.)! Со мной ездили!

У «Метрополя», у Воскресенских ворот, у Страстного монастыря, — всюду на перекрестках воздух звенит от гомона бесчисленных торговцев газетами, папиросами, тянучками, булками.

У Ильинских ворот стоят женщины с пирожками в две шеренги. А на Ильинке с серого здания с колоннами исчезла надпись «Горный совет» и повисла другая, с огромными буквами: «Биржа», и в нем идут биржевые собрания и проходят через маклеров миллиардные сделки.

До поздней ночи движется, покупает, продает, толчется в мага-

зинах московский люд. Но и поздним вечером, когда стрелки на освещенных уличных часах неуклонно ползут к полночи, когда уже закрыты все магазины, все еще живет неугомонная Тверская.

И режут воздух крики мальчишек:

— «Ира» рассыпная! «Ява»! «Мурсал»!

Окна бесчисленных кафе освещены, и из них глухо слышится взвизгивание скрипок.

До поздней ночи шевелится, покупает и продает, ест и пьет за столиками народ, живущий в не виданном еще никогда торговом красном Китай-городе.

МОСКВА КРАСНОКАМЕННАЯ

I

УЛИЦА

Жужжит «Аннушка», звонит, трещит, качается. По Кремлевской набережной летит к храму Христа.

Хорошо у храма. Какой основательный кус воздуха навис над Москвой-рекой от белых стен до отвратительных бездымных четырех труб, торчащих из Замоскворечья.

За храмом, там, где некогда величественно восседал тяжелый Александр III в сапогах гармоникой, теперь только пустой постамент. Грузный комод, на котором ничего нет и ничего, по-видимому, не предвидится. И над постаментом воздушный столб до самого синего неба.

Гуляй — не хочу.

Зимой массивные ступени, ведущие от памятника, исчезали под снегом, обледеневали. Мальчишки — «Ява» рассыпная!» — скатывались со снежной горы на салазках и в пробегавшую «Аннушку» швыряли комьями. А летом плиты у храма, ступени у пьедестала пусты. Молчат две фигуры, спускаются к трамвайной линии. У одной за плечами зеленый горб на ремнях. В горбе — паек. Зимой пол-Москвы с горбами ходило. Горбы за собой на салазках таскали. А теперь — довольно. Пайков гражданских нет. Получай миллионы — вали в магазин.

У другой — нет горба. Одет хорошо. Белый крахмал, штаны в полоску. А на голове выгоревший в грозе и буре бархатный околыш. На околыше — золотой знак. Не то молот и лопата, не то серп и грабли — во всяком случае, не серп и молот. Красный спец. Служит не то в ХМУ, не то в ЦУСе. Удачно служит, не нуждается. Каждый день ходит на Тверскую в гигантский магазин Эм-пе-о (в легендарные вре-

мена назывался Елисеев) и тычет пальцем в стекло, за которым лежат сокровища:

— Э... э... два фунта...

Приказчик в белом фартуке:

— Слуш...с-с...

И чирк ножом, но не от того куска, в который спец тыкал, что посвежее, а от того, что рядом, где подозрительнее.

— В кассу прошу...

Чек. Барышня бумажку на свет. Не ходят без этого бумажки никак. Кто бы в руки ни взял, первым долгом через нее на солнце. А что на ней искать надо, никто в Москве не ведает. Касса хлопнула, прогремела и съела десять спецовых миллионов. Сдачи: две бумажки по сту.

Одна настоящая, с водяными знаками, другая, тоже с водяными знаками, — фальшивая.

В Эм-пе-о — елисеевских зеркальных стеклах — все новые покупатели. Три фунта. Пять фунтов. Икра черная лоснится в банках. Сиги копченые. Пирамиды яблок, апельсинов. К окну какой-то самоистязатель носом прилип, выкатил глаза на люстры-гроздья, на апельсины. Головой крутит. Проспал с 18-го по 22 год!

А мимо, по избитым торцам, — велосипедист за велосипедистом. Мотоциклы. Авто. Свистят, каркают, как из пулеметов стреляют. На «автокonyaке» ездят. В автомобиль его нальешь,пустишь — за автомобилем сизо-голубой удушливый дым столбом.

Летят общипанные, ободранные, развинченные машины. То с портфелями едут, то в шлемах краснозвездных, а то вдруг подпрыгнет на кожаных подушках дама в палантине, в стомиллионной шляпе с Кузнецкого. А рядом, конечно, выгоревший околыш. Нувориш. Нэпман.

Иногда мелькнет бесшумная, сияющая лаком машина. В ней джентльмен иностранного фасона. АРА.

Извозчики то вереницей, то в одиночку. Дыхание бури их не коснулось. Они такие, как были в 1822 г., и такие, как будут в 2022-м, если к тому времени не вымрут лошади. С теми, кто торгуется, наглы, с «лимонными» людьми — угодливы:

— Вас возил, господин!

Обыкновенная совпублика — пестрая, многоликая масса, что носит у московских кондукторш название: граждане (ударение на втором слоге), — ездит в трамваях.

Бог их знает, откуда они берутся, кто их чинит, но их становится все больше и больше. На 14 маршрутах уже скрежесчет в Москве. Большею частью — ни стать, ни сесть, ни лечь. Бывает, впрочем, и просто. Вон «Аннушка» заворачивает под часы у Пречистенских во-

рот. Внутри кондуктор, кондукторша и трое пассажиров. Трое ожидающих сперва машинально становятся в хвост. Но вдруг хвост рассыпался. Лица становятся озабоченными. Локтями начинают толкать друг друга. Один хватается за левую ручку, другой одновременно за правую. Не входят, а «лезут». Штурмуют пустой вагон. Зачем? Что такое? Явление это уже изучено. Атавизм. Память о тех временах, когда не стояли, а висели. Когда ездили мешки с людьми. Теперь подите повисните! Попробуйте с пятипудовым мешком у Ярославского вокзала сунуться в вагон.

— Граждáне, нельзя с вещами.

— Да что вы... маленький узелочек...

— Гражданин! Нельзя!!! Как вы понятия не имеете!!

Звонок. Стоп. Выметайтесь.

И:

— Граждáне, получайте билеты. Граждáне, продвигайтесь вперед.

Граждане продвигаются, граждане получают. Во что попало одеты граждане. Блузы, рубахи, френчи, пиджаки. Больше всего френчей — омерзительного наряда, оставшегося на память о войне. Кепки, фуражки. Куртки кожаные. На ногах большей частью подозрительная стоптанная рвань с кривыми каблуками. Но попадаете уже лак. Советские сокращенные барышни в белых туфлях.

Катит пестрый маскарад в трамвае.

На трамвайных остановках гвалт, гомон. Чревовещательные сиплые альты поют:

— Сиводнишняя «Известия-а»... Патриарха Тихxxx-а-а-ана... Эсеры... «Накану-у-не»... Из Бирлина только што па-а-алучена...

Несется трамвай среди говора, гомона, гудков. В Центр.

Летит мимо Московской улицы. Вывеска на вывеске. В аршин. В сажень. Свежая краска бьет в глаза. И чего-чего на них нет. Все есть, кроме твердых знаков и ятей. Цупвоз. Цустрán. Моссельпром. Отгадывание мыслей. Мосдревотдел. Виноторг. Старо-Рыковский трактир. Воскрес трактир, но твердый знак потерял. Трактир «Спорт». Театр трудящихся. Правильно. Кто трудится, тому надо отдохнуть в театре. Производство «сандаля». Вероятно, сандалий. Обувь дамская, детская и «мальчиковая». Врывсельпромгвиу. Униторг, Мосторг и Главлесторг. Центробумтрест.

И в пестром месиве слов, букв на черном фоне белая фигура — скелет руки к небу тянет. Помоги! Голод. В терновом венце, в обрамлении косм, смертными тенями покрытое лицо девочки и выгоревшие в голодной пытке глаза. На фотографиях распухшие дети, скелеты взрослых, обтянутые кожей, валяются на земле. Всмотрись, представь себе, и день в глазах посереет. Впрочем, кто все время ел, тому непонятно. Бегут нувориши мимо стен, не оглядываются...

До поздней ночи улица шумит. Мальчишки — красные купцы — торгуют. К двум ползут стрелки на огненных круглых часах, а Тверская все дышит, ворочается, выкрикивает. Взвизгивают скрипки в кафе «Куку». Но все тише, реже. Гаснут окна в переулках... Спит Москва после пестрого будня перед красным праздником...

...Ночью спец, укладываясь, Неизвестному Богу молится:

— Ну что тебе стоит? Пошли назавтра ливень. С градом. Ведь идет же где-то град в два фунта. Хоть в полтора.

И мечтает:

— Вот выйдут, вот плакатики вынесут, а сверху как ахнет...

И дождик идет, и порядочный. Из перержавевших водосточных труб хлещет. Но идет-то он в несуразное, никому не нужное время — ночью. А наутро на небе ни пылинки!

И баба бабе у ворот говорит:

— На небе-то, видно, за большевиков стоят...

— Видно, так, милая...

В десять по Тверской прокатывается оглушительный марш. Мимо ослепших витрин, мимо стен, покрытых вылинявшими пятнами красных флагов, в новых гимнастерках с красными, синими, оранжевыми клапанами на груди, с красными шевронами, в шлемах, один к одному, под лязг тарелок, под рев труб рота за ротой идет красная пехота.

С двухцветными эскадронными значками — разномастная кавалерия на рысях. Броневики лезут.

Вечером на бульварах толчея. Александр Сергеевич Пушкин, наклонив голову, внимательно смотрит на гудящий у его ног Тверской бульвар. О чем он думает — никому не известно... Ночью транспаранты горят. Звезды...

...И опять засыпает Москва. На огненных часах три. В тишине по всей Москве каждую четверть часа разносится таинственный нежный перезвон со старой башни, у подножия которой, не угасая всю ночь, горит лампа и стоит бессонный часовой. Каждую четверть часа несется с кремлевских стен перезвон. И спит перед новым буднем улица в невиданном, неслыханном красноторговом Китай-городе.

ПОХОЖДЕНИЯ ЧИЧИКОВА

Поэма в X пунктах с прологом и эпилогом

— Держи, держи, дурак! — кричал Чичиков Селифану.

— Вот я тебя палашом! — кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин. — Не видишь, леший дери твою душу, казенный экипаж.

Пролог

Диковинный сон... Будто бы в царстве теней, над входом в которое мерцает неугасимая лампада с надписью «Мертвые души», шутник Сатана открыл двери. Зашевелилось мертвое царство, и потянулась из него бесконечная вереница.

Манилов в шубе на больших медведях, Ноздрев в чужом экипаже, Держиморда на пожарной трубе, Селифан, Петрушка, Фетишня...

А самым последним тронулся он — Павел Иванович Чичиков в знаменитой своей бричке.

И двинулась вся ватага на Советскую Русь, и произошли в ней тогда изумительные происшествия. А какие — тому следуют пункты...

I

Пересев в Москве из брички в автомобиль и летя в нем по московским буеракам, Чичиков ругательски ругал Гоголя:

— Чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырью в копну величиною! Испакостил, изгадил репутацию так, что некуда носа показать. Ведь, ежели узнают, что я — Чичиков, натурально, в два счета выкинут, к чертовой матери! Да еще хорошо, как только выкинут, а то еще, храни бог, на Лубянке насидишься. А все Гоголь, чтоб ни ему, ни его родне...

И, размышляя таким образом, въехал в ворота той самой гостиницы, из которой сто лет тому назад выехал.

Все решительно в ней было по-прежнему: из щелей выглядывали тараканы, и даже их как будто больше сделалось, но были и некоторые измененьца. Так, например, вместо вывески «Гостиница» висел плакат с надписью: «Общежитие № такой-то», и, само собой, грязь и гадость была такая, о которой Гоголь даже понятия не имел.

— Комнату!

— Ордер пожалте!

Ни одной секунды не смутился гениальный Павел Иванович.

— Управляющего!

— Трах! — управляющий старый знакомый: дядя Лысый Пимен, который некогда держал «Акульку», а теперь открыл на Тверской кафе на русскую ногу с немецкими затеями: аршадами, бальзамами и, конечно, с проститутками. Гость и управляющий облобызались, шушукнулись, и дело уладилось вмиг без всякого ордера. Закусил Павел Иванович, чем бог послал, и полетел устраиваться на службу.

II

Являлся всюду и всех очаровал поклонами несколько набок и колоссальной эрудицией, которой всегда отличался.

— Пишите анкету.

Дали Павлу Ивановичу анкетный лист в аршин длины, и на нем сто вопросов самых каверзных: откуда, да где был, да почему?..

Пяти минут не просидел Павел Иванович и исписал анкету кругом. Дрогнула только у него рука, когда подавал ее.

«Ну — подумал, — прочитают сейчас, что я за сокровище, и...»

И ничего ровно не случилось.

Во-первых, никто анкету не читал, во-вторых, попала она в руки к барышне-регистраторше, которая распорядилась ею по обычаю: провела вместо входящего по исходящему и затем немедленно ее куда-то засунула, так что анкета как в воду канула.

Ухмыльнулся Чичиков и начал служить.

III

А дальше пошло легче и легче. Прежде всего оглянулся Чичиков и видит: куда ни плюнь, свой сидит. Полетел в учреждение, где пайки-де выдают, и слышит:

— Знаю я вас, скалдырников: возьмете живого кота, обдерете, да и даете на паек! А вы дайте мне бараний бок с кашей. Потому что лягушку вашу пайковую мне хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот и гнилой селедки тоже не возьму!

Глянул — Собакевич.

Тот, как приехал, первым долгом двинулся паек требовать. И ведь получил! Съел и надбавки попросил. Дали. Мало! Тогда ему второй отвалили; был простой — дали ударный. Мало! Дали какой-то бронированный. Слопал и еще потребовал. И со скандалом потребовал! Обругал всех христопродавцами, сказал, что мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет и что есть один только порядочный человек делопроизводитель, да и тот, если сказать правду, свинья!

Дали академический.

Чичиков, лишь увидел, как Собакевич пайками орудует, моментально и сам устроился. Но, конечно, превзошел и Собакевича. На себя получил, на несуществующую жену с ребенком, на Селифана, на Петрушку, на того самого дядю, о котором Бетрищеву рассказывал, на старуху-мать, которой на свете не было. И всем академические. Так что продукты к нему стали возить на грузовике.

А наладивши таким образом вопрос с питанием, двинулся в другие учреждения, получать места.

Пролетая как-то раз в автомобиле по Кузнецкому, встретил Ноздрева. Тот первым долгом сообщил, что он уже продал и цепочку, и часы. И точно, ни часов, ни цепочки на нем не было. Но Ноздрев не унывал. Рассказал, как повезло ему на лотерее, когда он выиграл полфунта постного масла, ламповое стекло и подметки на детские ботинки, но как ему потом не повезло и он, канальство, еще своих шестьсот миллионов доложил. Рассказал, как предложил Внешторгу поставить за границу партию настоящих кавказских кинжалов. И поставил. И заработал бы на этом тьму, если б не мерзавцы-англичане, которые увидели, что на кинжалах надпись «Мастер Савелий Сибиряков», и все их забраковали. Затащил Чичикова к себе в номер и напоил изумительным, якобы из Франции полученным, коньяком, в котором, однако, был слышен самогон во всей его силе. И наконец до того довался, что стал уверять, что ему выдали восемьсот аршин мануфактуры, голубой автомобиль с золотом и ордер на помещение в здании с колоннами.

Когда же зять его Мижув выразил сомнение, обругал его, но не Софроном, а просто сволочью.

Одним словом, надоел Чичикову до того, что тот не знал, как и ноги от него унести.

Но рассказы Ноздрева навели его на мысль и самому заняться внешней торговлей.

IV

Так он и сделал. И опять анкету написал и начал действовать — и показал себя во всем блеске. Баранов в двойных тулупах водил через границу, а под тулупами брабантские кружева; бриллианты возил в колесах, дышлах, в ушах и невесть в каких местах.

И в самом скором времени очутились у него около пятисот апельсинов капитала.

Но он не унялся, а подал куда следует заявление, что желает снять в аренду некое предприятие, и расписал необыкновенными красками, какие от этого государству будут выгоды.

В учреждении только рты расстегнули — выгода действительно выходила колоссальная. Попросили указать предприятие. Извольте. На Тверском бульваре, как раз против Страстного монастыря, перейдя улицу, и называется — «Пампуш на Твербуле». Послали запрос куда следует: есть ли там такая штука. Ответили: есть и всей Москве известна. Прекрасно.

— Подайте техническую смету.

У Чичикова смета уже за пазухой.

Дали в аренду.

Тогда Чичиков, не теряя времени, полетел куда следует:

— Аванс пожалте.

— Представьте ведомость в трех экземплярах с надлежащими подписями и приложением печатей.

Двух часов не прошло, представил и ведомость. По всей форме. Печатей столько, как в небе звезд. И подписи налицо.

За заведующего — Неуважай-Корыто, за секретаря — Кувшинное Рыло, за председателя тарифно-расценочной комиссии — Елизавета Воробей.

— Верно. Получите ордер.

Кассир только крикнул, глянув на итог.

Расписался Чичиков и на трех извозчиках увез дензнаки.

А затем в другое учреждение:

— Пожалте подтоварную ссуду.

— Покажите товары.

— Сделайте одолжение. Агента позвольте.

— Дать агента!

Тьфу! И агент знакомый: Ротозей Емельян.

Забрал его Чичиков и повез. Привез в первый попавшийся подвал и показывает. Видит Емельян — лежит несметное количество продуктов.

— М-да... И все ваше?

— Все мое.

— Ну — говорит Емельян, — поздравляю вас в таком случае. Вы даже не миллионщик, а триллионщик!

А Ноздрев, который тут же с ними увязался, еще подлил масла в огонь.

— Видишь, — говорит, — автомобиль в ворота с сапогами едет? Так это тоже его сапоги.

А потом вошел в азарт, потащил Емельяна на улицу и показывает:

— Видишь магазины? Так это все его магазины. Все, что по эту сторону улицы, — все его. А что по ту сторону — тоже его. Трамвай видишь? Его. Фонари?... Его. Видишь? Видишь?

И вертит его во все стороны.

Так что Емельян взмолился:

— Верю! Вижу... только отпусти душу на покаяние.

Поехали обратно в учреждение.

Там спрашивают:

— Ну что?

Емельян только рукой махнул:

— Это, — говорит, — неопишимо!

— Ну раз неопишимо — выдать ему $n+1$ миллиардов.

V

Дальше же карьера Чичикова приняла головокружительный характер. Уму непостижимо, что он вытворял. Основал трест для выделки железа из деревянных опилок и тоже ссуду получил. Вошел пайщиком в огромный кооператив и всю Москву накормил колбасой из дохлого мяса. Помещица Коробочка, услышав, что теперь в Москве «все разрешено», пожелала недвижимость приобрести; он вошел в компанию с Замухрышкиным и Утешительным и продал ей Манеж, что против Университета. Взял подряд на электрификацию города, от которого в три года никуда не доскачешь, и, войдя в контакт с бывшим городничим, разметал какой-то забор, поставил вежи, чтобы было похоже на планировку, а насчет денег, отпущенных на электрификацию, написал, что их у него отняли банды капитана Копейкина. Словом, произвел чудеса.

И по Москве вскоре загудел слух, что Чичиков — триллионщик. Учреждения начали рвать его к себе нарасхват в спецы. Уже Чичиков снял за 5 миллиардов квартиру в пять комнат, уже Чичиков обедал и ужинал в «Ампире».

VI

Но вдруг произошел крах.

Погубил же Чичикова, как правильно предсказал Гоголь, Ноздрев, а прикончила Коробочка. Без всякого желания сделать ему пакость, а просто в пьяном виде, Ноздрев разболтал на бегах и про деревянные опилки, и о том, что Чичиков снял в аренду несуществующее предприятие, и все это заключил словами, что Чичиков жулик и что он бы его расстрелял.

Задумалась публика, и как искра побежала крылатая молва.

А тут еще дура Коробочка вперлась в учреждение расспрашивать, когда ей можно будет в Манеже булочную открыть. Тщетно уверяли ее, что Манеж казенное здание и что ни купить его, ни что-нибудь открывать в нем нельзя, — глупая баба ничего не понимала.

А слухи о Чичикове становились все хуже и хуже. Начали недоумевать, что такое за птица этот Чичиков и откуда он взялся. Появились сплетни, одна другой зловещее, одна другой чудовищней. Беспокойство вселилось в сердца. Зазвенели телефоны, начались совещания... Комиссия построения в комиссию наблюдения, комиссия наблюдения в жилотдел, жилотдел в Наркомздрав, Наркомздрав в Главкустпром, Главкустпром в Наркомпрос, Наркомпрос в Пролеткульт и т. д.

Кинулись к Ноздреву. Это, конечно, было глупо. Все знали, что Ноздрев лгун, что Ноздреву нельзя верить ни в одном слове. Но Ноздрева призывали, и он ответил по всем пунктам.

Объявил, что Чичиков действительно взял в аренду несуществующее предприятие и что он, Ноздрев, не видит причины, почему бы не взять, ежели все берут? На вопрос: уж не белогвардейский ли шпион Чичиков, ответил, что шпион и что его недавно хотели даже расстрелять, но почему-то не расстреляли. На вопрос: не делатель ли Чичиков фальшивых бумажек, ответил, что делатель, и даже рассказал анекдот о необыкновенной ловкости Чичикова: как, узнавши, что правительство хочет выпускать новые знаки, Чичиков снял квартиру в Марьиной Роще и выпустил оттуда фальшивых знаков на 18 миллиардов, и при этом на два дня раньше, чем вышли настоящие, а когда туда нагрянули и опечатали квартиру, Чичиков в одну ночь перемешал фальшивые знаки с настоящими, так что потом сам черт не мог разобраться, какие знаки фальшивые, а какие настоящие. На вопрос: точно ли Чичиков обменял свои миллиарды на бриллианты, чтобы бежать за границу, Ноздрев ответил, что это правда и что он сам взялся помогать и участвовать в этом деле, а если бы не он, ничего бы и не вышло.

После рассказов Ноздрева полнейшее уныние овладело всеми. Видят, никакой возможности узнать, что такое Чичиков, нет. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не нашелся среди всей компании один. Правда, Гоголя он тоже, как и все, в руки не брал, но обладал маленькой дозой здравого смысла.

Он и воскликнул:

— А знаете, кто такой Чичиков?

И когда все хором грянули:

— Кто?!

Он произнес гробовым голосом:

— Мошенник.

VII

Тут только и осенило всех. Кинулись искать анкету. Нету. По входящему. Нету. В шкапу — нету. К регистраторше.

— Откуда я знаю? У Иван Григорьича.

К Иван Григорьичу:

— Где?

— Не мое дело. Спросите у секретаря, и т. д., и т. д.

И вдруг неожиданно в корзине для ненужных бумаг — она.

Стали читать — и обомлели.

Имя? Павел. Отчество? Иванович. Фамилия? Чичиков. Звание? Гоголевский персонаж. Чем занимался до революции? Скупкой мертвых душ. Отношение к воинской повинности? Ни то, ни се, ни черт знает что. К какой партии принадлежит? Сочувствующий (а кому —

неизвестно). Был ли под судом? Волнистый зигзаг. Адрес? Поворотя во двор, в третьем этаже направо, спросить в справочном бюро штаб-офицершу Подточину, а та знает.

Собственноручная подпись? Обмакни!!

Прочитали и окаменели.

Крикнули инструктора Бобчинского:

— Катись на Тверской бульвар в арендуемое им предприятие и во двор, где его товары, может, там что откроется!

Возвращается Бобчинский. Глаза круглые.

— Чрезвычайное происшествие!

— Ну!!

— Никакого предприятия там нету. Это он адрес памятника Пушкину указал. И запасы не его, а АРА.

Тут все взвыли:

— Святители угодники! Вот так гусь! А мы ему миллиарды!! Выходит, теперича ловить его надо!

И стали ловить.

VIII

Пальцем в кнопку ткнули:

— Кулера.

Отворилась дверь, и предстал Петрушка. Он от Чичикова уже давно отошел и поступил курьером в учреждение.

— Берите немедленно этот пакет и немедленно отправляйтесь.

Петрушка сказал:

— Слушаю-с.

Немедленно взял пакет, немедленно отправился и немедленно его потерял.

Позвонили Селифану в гараж:

— Машину. Срочно.

— Чичас.

Селифан встрепенулся, закрыл мотор теплыми штанами, натянул на себя куртку, вскочил на сиденье, засвистел, загудел и полетел.

Какой же русский не любит быстрой езды?!

Любил ее и Селифан, и поэтому при самом въезде на Лубянку пришлось ему выбирать между трамваем и зеркальным окном магазина. Селифан в течение одной трети времени избрал второе, от трамвая увернулся и как вихрь с воплем: «Спасите!» въехал в магазин через окно.

Тут даже у Тентетникова, который заведовал всеми Селифанами и Петрушками, лопнуло терпение:

— Уволить обоих, к свиньям!

Уволили. Послали на биржу труда. Оттуда командировали: на ме-

сто Петрушки — плюшкинского Прошку, на место Селифана — Григория Доезжай-не-Доедешь. А дело тем временем кипело дальше!

— Авансовую ведомость!

— Извольте.

— Попросить сюда Неуважая-Корыто.

Оказалось, попросить невозможно. Неуважая месяца два тому вычистили из партии, а уже из Москвы он и сам вычистился сейчас же после этого, так как делать ему в ней было больше решительно нечего.

— Кувшинное Рыло?

Уехал куда-то на куличку инструктировать губотдел.

Принялись тогда за Елизавета Воробья. Нет такого! Есть, правда, машинистка Елизавета, но не Воробей. Есть помощник заместителя младшего делопроизводителя замзавподотдел Воробей, но он не Елизавета!

Прицепились к машинистке:

— Вы?!

— Ничего подобного! Почему это я? Здесь Елизаветь с твердым знаком, а разве я с твердым? Совсем наоборот...

И в слезы. Оставили в покое.

А тем временем, пока возились с Воробьем, правозаступник Самосвистов дал знать Чичикову стороной, что по делу началась возня, и, понятное дело, Чичикова и след простыл.

И напрасно гоняли машину по адресу: поворота направо, никакого, конечно, справочного бюро не оказалось, а была там заброшенная и разрушенная столовая общественного питания. И вышла к приехавшим уборщица Фетинья и сказала, что никого нетути.

Рядом, правда, поворота налево, нашли справочное бюро, но сидела там не штаб-офицерша, а какая-то Подстега Сидоровна и, само собой разумеется, не знала не только чичиковского адреса, но даже и своего собственного.

IX

Тогда напало на всех отчаяние. Дело запуталось до того, что и черт бы в нем никакого вкуса не отыскал. Несуществующая аренда перемешалась с опилками, брабантские кружева с электрификацией, Коробочкина покупка с бриллиантами. Влип в дело Ноздрев, оказались замешанными и сочувствующий Ротозей Емельян, и беспартийный Вор Антошка, открылась какая-то панама с пайками Собакевича. И пошла писать губерния!

Самосвистов работал не покладая рук и впутал в общую кашу и путешествия по сундукам, и дело о подложных счетах за разезды (по одному ему оказалось замешано до 50 000 лиц), и проч., и проч.

Словом, началось черт знает что. И те, у кого миллиарды из-под носа выписали, и те, кто их должны были отыскать, метались в ужасе, и перед глазами был только один непреложный факт:

Миллиарды были и исчезли.

Наконец встал какой-то Дядя Митяй и сказал:

— Вот что, братцы... Видно, не миновать нам следственную комиссию назначить.

Х

И вот тут (чего во сне не увидишь!) вынырнул, как некий бог на машине, я и сказал:

— Поручите мне.

Изумились:

— А вы... того... сумеете?

А я:

— Будьте покойны.

Поколебались. Потом красным чернилом:

«Поручить».

Тут я и начал (в жизнь не видел приятнее сна!).

Полетели со всех сторон ко мне 35 тысяч мотоциклистов:

— Не угодно ли чего?

А я им:

— Ничего не угодно. Не отрывайтесь от ваших дел. Я сам справлюсь. Единолично.

Набрал воздуха и гаркнул так, что дрогнули стекла:

— Подать мне сюда Ляпкина-Тяпкина! Срочно! По телефону подать!

— Так что подать невозможно... Телефон сломался.

— А-а! Сломался! Провод оборвался? Так чтоб он даром не молтался, повесить на нем того, кто докладывает!!

Батюшки! Что тут началось!

— Помилуйте-с... что вы-с... Сию... хе-хе... минутку... Эй! Мастеров! Проволоки! Сейчас починят!

В два счета починили и подали.

И я рванул дальше:

— Тяпкин? М-мерзавец! Ляпкин? Взять его, прохвоста! Подать мне списки! Что? Не готовы? Приготовить в пять минут, или вы сами очутитесь в списках покойников! Э-э-то кто?! Жена Манилова — регистраторша? В шею! Улинька Бетрищева — машинистка? В шею! Собакевич? Взять его! У вас служит негодяй Мурзофейкин? Шулер Утешительный? Взять!! И того, кто их назначил, — тоже. Схватить его! И его! И этого! И того! Фетинью вон! Поэта Тряпичкина, Селифана и Петрушку в учетное отделение! Ноздрева в подвал... В мину-

ту! В секунду!! Кто подписал ведомость? Подать его, каналью!! Со дна моря достать!!

Гром пошел по пеклу...

— Вот черт налетел! И откуда такого достали?!

А я:

— Чичикова мне сюда!!

— Н...Н...невозможно сыскать. Они скрымшились...

— Ах, скрымшились? Чудесно! Так вы сядете на его место.

— Помил...

— Молчать!!

— Сию минуточку... Сию... Повремените секундочку. Ищут-с.

И через два мгновения нашли!

И напрасно Чичиков валялся у меня в ногах и рвал на себе волосы и френч и уверял, что у него нетрудоспособная мать.

— Мать?! — гремел я. — Мать?.. Где миллиарды? Где народные деньги?! Вор!! Взрезать его, мерзавца! У него бриллианты в животе!

Вскрыли его. Тут они.

— Все?

— Все-с.

— Камень на шею и в прорубь!

И стало тихо и чисто.

И я по телефону:

— Чисто.

А мне в ответ:

— Спасибо. Просите чего хотите.

Так я и взметнулся около телефона. И чуть было не выложил в трубку все сметные предположения, которые давно уже терзали меня:

«Брюки... фунт сахара... лампу в 25 свечей...»

Но вдруг вспомнил, что порядочный литератор должен быть бескорыстен, увял и пробормотал в трубку:

— Ничего, кроме сочинений Гоголя в переплете, каковые сочинения мной недавно проданы на толчке.

И... бац! У меня на столе золотообрезный Гоголь!

Обрадовался я Николаю Васильевичу, который не раз утешал меня в хмурые бессонные ночи, до того, что рывкнул:

— Ура!

И...

Эпilog

...конечно, проснулся. И ничего: ни Чичикова, ни Ноздрева и, главное, ни Гоголя...

«Э-хе-хе», — подумал я себе и стал одеваться, и вновь пошла передо мной по-будничному шеголять жизнь.

СТОЛИЦА В БЛОКНОТЕ

I

БОГ РЕМОНТ

Каждый бог на свой фасон. Меркурий, например, с крылышками на ногах. Он — нэпман и жулик. А мой любимый бог — бог Ремонт, вселившийся в Москву в 1922 году, в переднике, вымазан известкой, от него пахнет махоркой. Он и меня зацепил своей кистью, и до сих пор я храню след божественного прикосновения на своем осеннем пальто, в котором я хожу и зимой. Почему? Ах да, за границей, вероятно, неизвестно, что в Москве существует целый класс, считающий модным ходить зимой в осеннем. К этому классу принадлежит так называемая мыслящая интеллигенция и интеллигенция будущая: рабфаки и проч. Эти последние, впрочем, даже и не в пальто, а в каких-то кургуzych куртках. Холодно?..

Вздор. Очень легко можно привыкнуть.

Итак, это было золотой осенью, когда мы с приятелем моим — спецом выходили из гостиницы. Там зверски орудовал прекрасный бог. Стояли козлы, со стен бежали белые ручьи, вкусно пахло масляной краской.

Тут-то он меня и мазнул.

Спец жадно вдохнул запах краски и гордо сказал:

— Не угодно ли. Погодите, еще годик — не узнаете Москвы. Теперь «мы» (ударение на этом слове) покажем, на что мы способны!

К сожалению, ничего особенного спец показать не успел, так как через неделю после этого стал очередной жертвой «большевистского террора». Именно: его посадили в Бутырки.

За что, совершенно неизвестно.

Жена его говорит по этому поводу что-то невнятное:

— Это безобразие! Ведь расписки нет? Нет? Пусть покажут расписку. Сидоров (или Иванов, не помню) — подлец! Говорит — двадцать миллиардов. Во-первых, пятнадцать!

Расписки действительно нету (не идиот же спец, в самом деле!), поэтому спеца скоро выпустят. Но тогда уж он действительно покажет. Набравшись сил в Бутырках.

Но спеца нет, бог Ремонт остался. Может быть, потому, что, сколько бы спецов ни сажали, остается все же неимоверное количество (точная моя статистика: в Москве — 1 000 000, не ме-не-е!), или потому, что можно обойтись и без спецов, но бог неугомонный, прекрасный — штукатур, маляр и каменщик — орудует. И даже теперь он не затаих, хоть уже зима и валит мягкий снег.

На Лубянке, на углу Мясницкой было бог знает что: какая-то

выгрызенная плешь, покрытая битым кирпичом и осколками бутылок. А теперь, правда, одноэтажное, но все же здание! З-д-а-н-и-е! Цельные стекла. Все как полагается. За стеклами, правда, ничего еще нет, но снаружи уже красуется надпись золотыми буквами: «Трико-таж».

Вообще на глазах происходят чудеса. Зияющие двери в нижних этажах вдруг застекляются. День... два, и за стеклами загораются лампы, и... или материи каскадами, или же красуется под зеленым абажуром какая-то голова, склонившаяся над бумагами. Не знаю, почему и какая голова, но что он делает, могу сказать, не заглядывая внутрь:

— Составляет ведомость на сверхурочные.

И откровенно скажу: материи — хорошо, а голова — это не нужно. Пишут, пишут... Но с этим, видно, ничего не поделаешь.

Я верю: материи и посуда, зонтики и калоши вытеснят в конце концов плешивые чиновничьи головы начисто. Пейзаж московский станет восхитительным. На мой вкус.

Я с чувством наслаждения прохожу теперь пассажи. Петровка и Кузнецкий в сумерки горят огнями. И буйные гаммы красок за стеклами — улыбаются лики игрушек кустарей.

Лифты пошли! Сам видел сегодня. Имею я право верить своим глазам?

Этот сезон подновляли, штукатурили, подклеивали. На будущий сезон, я верю, будут строить. Осенью, глядя на сверкающие адским пламенем котлы с асфальтом на улицах, я вздрагивал от радостного предчувствия. Будут строить, несмотря ни на что. Быть может, это фантазия правоверного москвича... А по-моему, воля ваша, вижу — Ренессанс.

Московская эпиталама:

Пою тебе, о бог Ремонта!

II

ГНИЛАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Расстался я с ним в июне месяце. Он пришел тогда ко мне, свернул махорочную козью ногу и сказал мрачно:

— Ну вот и кончил университет.

— Поздравляю вас, доктор, — с чувством ответил я.

Перспективы у новоиспеченного доктора вырисовывались в таком виде: в здравоохранении сказали: «Вы свободны», в общежитии студентов-медиков сказали: «Ну теперь вы кончили, так выезжайте», в клиниках, больницах и т. под. учреждениях сказали: «Сокращение штатов».

Получался, в общем, полнейший мрак.

После этого он исчез и утонул в московской бездне.

— Значит, погиб, — спокойно констатировал я, занятый своими личными делами (т. наз. «борьба за существование»).

Я доборолся до самого ноября и собирался бороться дальше, как он появился неожиданно.

На плечах еще висела вытертая дрянь (бывшее студенческое пальто), но из-под нее выглядывали новенькие брюки.

По одной складке, аристократически заглаженной, я безошибочно определил: куплены на Сухаревке за 75 миллионов.

Он вынул футляр от шприца и угостил меня «Ирой-рассыпной».

Раздавленный изумлением, я ждал объяснений. Они последовали немедленно:

— Грузчиком работаю в артели. Знаешь, симпатичная такая артель — 6 студентов 5-го курса и я...

— Что же вы грузите?!

— Мебель в магазины. У нас уж и постоянные давальцы есть.

— Сколько ж ты зарабатываешь?

— Да вот за предыдущую неделю 275 лимончиков.

Я мгновенно сделал перемножение: $275 \times 4 = 1$ миллиард сто! В месяц.

— А медицина?!

— А медицина сама собой. Грузим мы раз-два в неделю. Остальное время я в клинике, рентгеном занимаюсь.

— А комната?

Он хихикнул.

— И комната есть... Оригинально так, знаешь, вышло... Перевозили мы мебель в квартиру одной артистки. Она меня и спрашивает с удивлением: «А вы, позвольте узнать, кто на самом деле? У вас лицо такое интеллигентное. Я, говорю, доктор. Если б ты видел, что с ней сделалось! Чаем напоила, расспрашивала. А где вы, говорит, живете? А я говорю, нигде не живу. Такое участие приняла, дай ей бог здоровья. Через нее я и комнату получил, у ее знакомых. Только условие: чтобы я не женился!

— Это что ж, артистка условие такое поставила?

— Зачем артистка... Хозяева. Одному, говорят, сдадим, двоим ни в коем случае.

Очарованный сказочными успехами моего приятеля, я сказал после раздумья:

— Вот писали все: гнилая интеллигенция, гнилая... Ведь, пожалуй, она уже умерла. После революции народилась новая, железная интеллигенция. Она и мебель может грузить, и дрова колоть, и рентгеном заниматься.

— Я верю, — продолжал я, впадая в лирический тон, — она не пропадет! Выживет!

Он подтвердил, распространяя удушливые клубы «Иры-рассыпной»:

— Зачем пропадать. Пропадать мы не согласны.

III

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ МАЛЬЧИК

Вчера утром на Тверской я видел мальчика. За ним шла, раскрыв рты, группа ошеломленных граждан мужского и женского пола и тянулась вереница пустых извозчиков, как за покойником.

Со встречного трамвая № 6 свешивались пассажиры и указывали на мальчика пальцами. Утверждать не стану, но мне показалось, что торговка яблоками у дома № 73 зарыдала от счастья, а зазевавшийся шофер срезал угол и чуть не угодил в участок.

Лишь протерев глаза, я понял, в чем дело.

У мальчика на животе не было лотка с сахариновым ирисом, и мальчик не выл диким голосом:

— «Посольские»! «Ява»!! «Мурсал»!!! Газетатачкапрокатываетвсех!..

Мальчик не вырывал из рук у другого мальчика скомканных лимонов и не лягал его ногами. У мальчика не было во рту папиросы... Мальчик не ругался скверными словами.

Мальчик не входил в трамвай в живописных лохмотьях и, фальшиво бегая по сытым лицам спекулянтов, не гнусил:

— Пода-айте... Христа ради...

Нет, граждане. Этот единственный, впервые встретившийся мне мальчик шел, степенно покачиваясь и не спеша, в прекрасной уютной шапке с наушниками, и на лице у него были написаны все добродетели, какие только могут быть у мальчика 11—12 лет.

Нет, не мальчик это был. Это был чистой воды херувим в теплых перчатках и валенках. И на спине у херувима был р-а-н-е-ц, из которого торчал уголок измызганного задачника.

Мальчик шел в школу 1-й ступени у-ч-и-т-ь-с-я.

Довольно. Точка.

IV

ТРИЛЛИОНЕР

Отправился я к знакомым нэпманам. Надоело мне бывать у писателей. Богема хороша только у Мюрге — красное вино, барышни... Московская же литературная богема угнетает.

Придешь, и — или попросят сесть на ящик, а в ящике — ржавые гвозди, или чаю нет, или чай есть, но сахару нет, или в соседней комнате хозяйка квартиры варит самогон и туда шмыгают какие-то люди с распухшими лицами, и сидишь как на иголках, потому что боишься, что придут — распухших арестовывать и тебя захватят или (хуже всего) молодые поэты начнут свои стихи читать. Один, потом другой, потом третий... Словом — нестерпимая обстановка.

У нэпманов оказалось до чрезвычайности хорошо. Чай, лимон, печенье, горничная, всюду пахнет духами, серебряные ложки (примечание для испуганного иностранца: платоническое удовольствие), на пианино дочь играет «Молитву девы», диван, «не хотите ли со сливками», никто стихов не читает, и т. д.

Единственное неудобство: в зеркальных отражениях маленькая дырка на твоих штанах превращается в дырищу величиной с чайное блюдечко и приходится прикрывать ее ладонью, а чай мешать левой рукой. А хозяйка, очаровательно улыбаясь, говорит:

— Вы очень милый и интересный, но почему вы не купите себе новые брюки? А заодно и шапку...

После этого «заодно» я подавился чаем, и золотушная «Молитва девы» показалась мне данс-макабром¹.

Но прозвучал звонок и спас меня.

Вошел некто, перед которым все побледнело и даже серебряные ложки съезжились и сделались похожими на подержанное фраже.

На пальце у вошедшего сидело что-то напоминающее крест на храме Христа Спасителя на закате.

— Каратов девьяносто... Не иначе как он его с короны снял, шепнул мне мой сосед — поэт, человек, воспевавший в стихах драгоценные камни, но, по своей жестокой бедности, не имеющий понятия о том, что такое карат.

По камню, от которого сыпались во все стороны разноцветные лучи, по тому, как на плечах у толстой жены вошедшего сидел рыжий палантин, по тому, как у вошедшего юрко бегали глаза, я догадался, что передо мной всем нэпманам — нэпман, да еще, вероятно, из треста.

Хозяйка вспыхнула, заулыбалась золотыми коронками, кинулась навстречу, что-то восклицая, и прервалась «Молитва девы» на самом интересном месте.

Затем началось оживленное чаепитие, причем нэпман был в центре внимания.

Я почему-то обиделся (ну что ж из того, что он нэпман? Я разве не человек?) и решил завязать разговор. И завязал его удачно.

¹ Пляской смерти (от *фр.* danse macabre).

— Сколько вы получаете жалованья? — спросил я у обладателя сокровища.

Тут же с двух сторон под столом мне наступили на ноги. На правой ноге я ощутил сапог поэта (кривой стоптанный каблук), на левой — ногу хозяйки (французский острый каблук).

Но богач не обиделся. Напротив, мой вопрос ему польстил почему-то.

Он остановил на мне глаза на секунду, причем тут только я разглядел, что они похожи на две десятки одесской работы.

— М... м... как вам сказать... Э... пустяки. Два, три миллиарда, — ответил он, посылая мне с пальца снопы света.

— А сколько стоит ваше бри... — начал я и взвизгнул от боли... — ...бритье?! — выкрикнул я, не помня себя, вместо «бриллиантовое кольцо».

— Бритье стоит 20 лимонов, — изумленно ответил нэпман, а хозяйка сделала ему глазами: «Не обращайтесь внимания. Он идиот».

И мгновенно меня сняли с репертуара. Защебетала хозяйка, но благодаря моему блестящему почину разговор так и увяз в лимонном болоте.

Во-первых, поэт всплеснул руками и простонал:

— 20 лимонов! Ай, яй, яй! (Он брился последний раз в июне.)

Во-вторых, сама хозяйка ляпнула что-то несуразно-малое насчет оборотов в тресте.

Нэпман понял, что он находится в компании денежных младенцев, и решил поставить нас на место.

— Приходит ко мне в трест неизвестный человек, — начал он, поблескивая черными глазами, — и говорит: возьму у вас товару на 200 миллиардов. Плачу векселями. Позвольте, — отвечаю я, — вы — лицо частное... э... какая же гарантия, что ваши уважаемые векселя... А, пожалуйста, — отвечает тот. И вынул книжку своего текущего счета. И как вы думаете, — нэпман победоносно обвел глазами сидящих за столом, — сколько у него оказалось на текущем счету?

— 300 миллиардов? — крикнул поэт (этот проклятый санкюлот не держал в руках больше 50 лимонов).

— 800, — сказала хозяйка.

— 940, — робко пискнул я, убрав ноги под стол.

Нэпман артистически выдержал паузу и сказал:

— Тридцать три триллиона.

Тут я упал в обморок и, что было дальше, не знаю.

Примечание для иностранцев: триллион в московских трестах называют тысячу миллиардов. 33 триллиона пишут так:

V

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ

Опера Зимина. «Гугеноты». Совершенно такие же, как «Гугеноты» 1893 г., «Гугеноты» 1903 г., 1913 г., наконец, и 1923 г.!

Как раз с 1913 г. я и не видел этих «Гугенотов». Первое впечатление — ошалеваешь. Две витых зеленых колонны и бесконечное количество голубоватых ляжек в трико. Затем тенор начинает петь такое, что сразу мучительно хочется в буфет и:

— Гражданин служающий, пива! («Человеков» в Москве еще нет.)

В ушах ляпает громовое «пиф-паф!!» Марселя, а в мозгу вопрос: «Должно быть, это действительно прекрасно, ежели последние бурные годы не вытерли этих гугенотов вон из театра, окрашенного в какие-то жабы тона».

Куда там вытерли! В партере, в ложах, в ярусах ни клочка места. Взоры сосредоточены на желтых сапогах Марселя. И Марсель, посылая партеру сердитые взгляды, угрожает:

Пощады не ждите,
Она не прид-е-о-т...

Рокочущие низы.

Солисты, посинев под гримом, прорезывают гремящую массу хора и медных. Ползет занавес. Свет. Сразу хочется бутербродов и курить. Первое — невозможно, ибо для того, чтобы есть бутерброды, нужно зарабатывать миллиардов десять в месяц, второе — мыслимо.

У вешалок сквозняк, дымовая завеса. В фойе — шарканье, гул, пахнет дешевыми духами. Зеленой тоска после папиросы.

Все по-прежнему, как было пятьсот лет назад. За исключением, пожалуй, костюмов. Пиджачки сомнительные, френчи вытертые.

«Ишь ты, — подумал я, наблюдая, — публика та, да не та...»

И только что подумал, как увидел у входа в партер человека. Он был во фраке! Все, честь честью, было на месте. Ослепительный пластрон, давно заутюженные брюки, лакированные туфли и, наконец, сам фрак!

Он не посрамил бы французской комедии. Первоначально так и подумал: не иностранец ли? От тех всего жди. Но оказался свой.

Гораздо интереснее фрака было лицо его обладателя. Выражение унылой озабоченности портило расплывчатый лик москвича. В глазах его читалось совершенно явственно: «Да-с, фрак. Выкуси. Никто не имеет мне права слово сказать. Декрета насчет фраков нету».

И действительно, никто фрачника не трогал, и даже особенно

острого любопытства он не возбуждал. И стоял он незыблемо, как скала, омываемая пиджачным и френчным потоком.

Фрак этот до того меня заинтриговал, что я даже оперы не дослушал.

В голове моей вопрос:

«Что должен означать фрак? Музейная ли это редкость в Москве среди френчей 1923 г., или фракчик представляет собой некий живой сигнал:

— Выкуси. Через полгода все оденемся во фрак!».

Вы думаете, что, может быть, это праздный вопрос? Не скажите...

VI

БИОМЕХАНИЧЕСКАЯ ГЛАВА

...Зови меня вандалом
Я это имя заслужил.

Признаюсь, прежде чем написать эти строки, я долго колебался. Боялся. Потом решил рискнуть.

После того как я убедился, что «Гугеноты» и «Риголетто» перестали меня развлекать, я резко кинулся на левый фронт. Причиной этого был И. Эренбург, написавший книгу «А все-таки она вертится», и двое длинноволосых московских футуристов, которые, появляясь ко мне ежедневно в течение недели, за вечерним чаем ругали меня «мещанином».

Неприятно, когда это слово тычут в глаза, и я пошел, будь они прокляты! Пошел в театр Гитис на «Великодушного рогносца» в постановке Мейерхольда.

Дело вот в чем: я — человек рабочий, каждый миллион дается мне путем ночных бессонниц и дневной зверской беготни. Мои денежки как раз те самые, что носят название кровных. Театр для меня — наслаждение, покой, развлечение, словом, все что угодно, кроме средства нажать новую хорошую неврастению, тем более что в Москве есть десятки возможностей нажать ее без затраты на театральные билеты.

Я не И. Эренбург и не театральный мудрый критик, но судите сами: в общипанном, ободранном, сквозняковом театре вместо сцены — дыра (занавеса, конечно, нету и следа). В глубине — голая кирпичная стена с двумя гробовыми окнами.

А перед стеной сооружение. По сравнению с ним проект Татлина может считаться образцом ясности и простоты. Какие-то клетки, наклонные плоскости, палки, дверки и колеса. И на колесах буквы верху ногами «сч» и «те». Театральные плотники, как дома, ходят взад и вперед, и долго нельзя понять: началось уже действие или еще нет.

Когда же оно начинается (узнаешь об этом потому, что все-таки вспыхивает откуда-то сбоку свет на сцене), появляются синие люди (актеры и актрисы все в синем. Театральные критики называют это прозодеждой. Послал бы я их на завод, денька хоть на два! Узнали бы они, что такое прозодежда!).

Действие: женщина, подобрав синюю юбку, съезжает с наклонной плоскости на том, на чем женщины и мужчины сидят. Женщина мужчине чистит зад платяной щеткой. Женщина на плечах у мужчины ездит, прикрывая стыдливо ноги прозодеждой юбкой.

— Это биомеханика, — пояснил мне приятель.

Биомеханика!! Беспомощность этих синих биомехаников, в свое время учившихся произносить слащавые монологи, вне конкуренции. И это, заметьте, в двух шагах от Никитинского цирка, где клоун Лазаренко ошеломляет чудовищными salto!

Кого-то вертящейся дверью колотят уныло и настойчиво опять по тому же самому месту. В зале настроение как на кладбище, у могилы любимой жены. Колеса вертятся и скрипят.

После первого акта капельдинер:

— Не понравилось у нас, господин?

Улыбка настолько нагла, что мучительно хотелось биомахнуть его по уху.

— Вы опоздали родиться, — сказал мне футурист.

Нет, это Мейерхольд поспешил родиться.

— Мейерхольд — гений!! — завывал футурист.

Не спорю. Очень возможно. Пускай — гений. Мне все равно. Но не следует забывать, что гений одинок, а я — масса. Я — зритель. Театр для меня. Желая ходить в понятный театр.

— Искусство будущего!! — налетели на меня с кулаками.

А если будущего, то пускай, пожалуйста, Мейерхольд умрет и воскреснет в XXI веке. От этого выиграют все, и прежде всего он сам. Его поймут. Публика будет довольна его колесами, он сам получит удовлетворение гения, а я буду в могиле, мне не будут сниться деревянные вертушки.

Вообще к черту эту механику. Я устал.

VII

ЯРОН

Спас меня от биомеханической тоски артист оперетки Ярон, и ему с горячей благодарностью посвящаю эти строки. После первого же его падения на колени к графу Люксембургу, стукнувшему его по плечу, я понял, что значит это проклятое слово «биомеханика», и ко-

гда оперетка карусельным галопом пошла вокруг Ярона, как вокруг стержня, я понял, что значит настоящая буффонада.

Грим! Жесты! В зале гул и гром! И нельзя не хохотать. Немыслимо. Бескорыстная реклама Ярону, верьте совести: исключительный талант.

VIII

ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ КУРЕНИЕ

Из хаоса каким-то образом рождается порядок. Некоторые об этом узнают из газет со значительным опозданием, а некоторые по горькому опыту на месте и в процессе создания этого порядка.

Так, например, нэпман, о котором я расскажу, познакомился с новым порядком в коридоре плацкартного вагона на станции Николаевской железной дороги.

Он был в общем благодушный человек, и единственно что вывело его из себя — это большевики. О большевиках он не мог говорить спокойно. О золотой валюте — спокойно. О сале — спокойно. О театре — спокойно. О большевиках — слюна. Я думаю, что, если бы маленькую порцию этой слюны вспрыснуть кролику — кролик издох бы во мгновение ока. 2-х граммов было бы достаточно, чтобы отравить эскадрон Буденного с лошадьми вместе.

Слюны же у нэпмана было много, потому что он курил.

И когда он залез в вагон со своим твердым чемоданом и огляделся, презрительная усмешка исказила его выразительное лицо.

— Гм... подумаешь, — заговорил он... или, вернее, не заговорил, а как-то заскрипел, — свинячили, свинячили четыре года, а теперь вздумали чистоту наводить! К чему, спрашивается, было все это разрушать? И вы думаете, что я верю в то, что у них что-нибудь выйдет? Держи карман. Русский народ — хам. И все им опять заплюет!

И в тоске и в отчаянии швырнул окурочек на пол и растоптал. И немедленно (черт его знает, откуда он взялся, — словно из стены вырос) появился некто с квитанционной книжкой в руках и сказал, побивая рекорд лаконичности:

— Тридцать миллионов.

Не берусь описать лицо нэпмана. Я боялся, что его хватит удар.

* * *

Вон она какая история, товарищи берлинцы. А вы говорите «bolsheviki», «bolsheviki»! Люблю порядок.

* * *

Прихожу в театр. Давно не был. И всюду висят плакаты «Курить строго воспрещается». И думаю я, что за чудеса: никто под этими плакатами не курит. Чем это объясняется? Объяснилось это очень просто, так же, как и в вагоне. Лишь только некий с черной бородкой — прочитав плакат — сладко затянулся два раза, как вырос молодой человек симпатичной, но непреклонной наружности и:

— Двадцать миллионов.

Негодование черной бородки не было предела.

Она не пожелала платить. Я ждал взрыва со стороны симпатичного молодого человека, игравшего благодушно квитанциями. Никакого взрыва не последовало, но за спиной молодого человека, без всякого сигнала с его стороны (большевистские фокусы!), из воздуха соткался милиционер. Положительно, это было гофманское нечто. Милиционер не произнес ни одного слова, не сделал ни одного жеста. Нет! Это было просто воплощение укоризны в серой шинели с револьвером и свистком. Черная бородка заплатила со сверхъестественной гофманской же быстротой.

И лишь тогда ангел-хранитель, у которого вместо крыльев за плечами помещалась небольшая, изящная винтовка, отошел в сторону и «добродушная пролетарская улыбка заиграла на его лице» (так пишут молодые барышни революционные романы).

Случай с черной бородкой так действовал на мою впечатлительную душу (у меня есть подозрение, что и не только на мою), что теперь, куда бы я ни пришел, прежде чем взяться за портсигар, я тревожно осматриваю стены — нет ли на них какой-нибудь печатной каверзы. И ежели плакат «Строго воспрещается», подманивающий русского человека на курение и плевки, то я ни курить, ни плевать не стану ни за что.

IX

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Фридрихштрасской уверенности, что Россия прикончилась, я не разделяю, и даже больше того: по мере того как я наблюдаю московский калейдоскоп, во мне рождается предчувствие, что «все образуется» и мы еще можем пожить довольно славно.

Однако я далек от мысли, что Золотой век уже наступил. Мне почему-то кажется, что наступит он не ранее, чем порядок, симптомы которого так ясно начали проступать в столь незначительных, казалось бы, явлениях, как все эти некурительные и неплевательные события, пустит окончательные корни.

ГУМ с тысячами огней и гладко выбритыми приказчиками, блестящие швейцары в государственных магазинах на Петровке и Кузнецком, «Верхнее платье снимать обязательно» и т. под. — это великопепные ступени на лестнице, ведущей в рай, но еще не самый рай.

Для меня означенный рай наступит в то самое мгновение, как в Москве исчезнут семечки. Весьма возможно, что я выродок, не понимающий великого значения этого чисто национального продукта, столь же свойственного нам, как табачная жвачка славным американским героям сногшибательных фильмов, но весьма возможно, что просто-напросто семечки — мерзость, которая угрожает утопить нас в своей слюнявой шелухе.

Боюсь, что мысль моя покажется дикой и непонятной утонченным европейцам, а то я сказал бы, что с момента изгнания семечек для меня непреложной станет вера в электрификацию, поезда (150 километров в час), всеобщую грамотность и прочее, что уже несомненно означает рай.

И маленькая надежда у меня закопошилась в сердце после того, как на Тверской меня чуть не сшибла с ног туча баб и мальчишек с лотками, летевших куда-то с воплями:

— Дунька! Ходу! Он идет!!

«Он» оказался, как я и предполагал, воплощением в сером, но уже не укоризны, а ярости.

Граждане, это священная ярость. Я приветствую ее.

Их надо изгнать — семечки. Их надо изгнать. В противном случае быстроходный электрический поезд мы построим, а Дуньки наплюют шелухи в механизм, и поезд остановится, и все к черту.

Х

КРАСНАЯ ПАЛОЧКА

Нет пагубнее заблуждения, как представить себе загадочную великую Москву 1923 года отпечатанной в одну краску.

Это спектр. Световые эффекты в ней поразительны. Контрасты — чудовищны. Дуньки и нищие (о, смерть моя — московские нищие! Родился нэп в лакированных ботинках, немедленно родился и тот страшный в дырах с гнусавым голосом и сел на всех перекрестках, занял у подъездов, заковылял по переулкам), благой мат ископаемых извозчиков и бесшумное скольжение машин, сияющих лаком, афиши с мировыми именами... а в будке на Страстной площади торгует журналами, временно исполняя обязанности отлучившегося продавца, неграмотная баба!

Клянусь — неграмотная!

Я сам лично подошел к будке. Спросил «Россию», она мне пода-

ла «Корабль» (похож шрифт!). Не то. Бабка заметалась в будке. Подала другое. Не то.

— Да что вы, неграмотная?! (Это я иронически спросил.)

Но долой иронию, да здравствует отчаяние! Баба *действительно неграмотная*.

* * *

Москва — котел, — в нем варят новую жизнь. Это очень трудно. Самим приходится вариться. Среди Дунек и неграмотных рождается новый, пронизывающий все углы бытия, организационный скелет.

В отчаянии от бабы с «Кораблем» в руках, в отчаянии от зверских извозчиков, поминающих коллективную нашу мамашу, я кинулся в Столешников переулок и на скрещении его с Большой Дмитровской увидел этих самых извозчиков. На скрещении было, очевидно, какое-то препятствие. Вереница бородачей на козлах была неподвижна. Я был поражен. Почему же не гремит ругань? Почему не вырываются вперед пылкие извозчики?

Боже мой! Препятствие-то, препятствие... Только всего, что в руках у милиционера была красная палочка и он застыл, подняв ее вверх.

Но лица извозчиков! На них было сияние, как на Пасху.

И когда милиционер, пропустив трамвай и два автомобиля, махнул палочкой, прибавив уже несвойственное констэблям и шуцманам ласковое: «Давай!» — извозчики поехали так нежно и аккуратно, словно везли не здоровых москвичей, а тяжелораненых.

* * *

В порядке <...> дайте нам опоры точку, и мы сдвинем шар земной.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

Дни Турбиных	7
Зойкина квартира	72
Генеральная репетиция пьесы гражданина Жюль Верна в театре Геннадия Панфиловича. С музыкой, извержением вулкана и английскими матросами	139
Бег	202
Кабала святош	259
Адам и Ева	302
Блаженство	352
Иван Васильевич	390
Александр Пушкин	427
Батум	473
Мертвые души	528
Война и мир	578
Полоумный Журден	633
Дон Кихот	666

ФЕЛЬЕТОНЫ И ОЧЕРКИ

В кафе	731
Неделя просвещения	734
Торговый ренессанс	738
Москва краснокаменная	741
Похождения Чичикова	744
Столица в блокноте	755
В школе городка III Интернационала	767

1-ая детская коммуна	771
Сорок сороков	775
Под стеклянным небом	780
Бенефис Лорда Керзона	784
Путевые заметки. Скорый № 7 Москва — Одесса	786
Комаровское дело	789
Киев-город	794
Самоцветный быт	802
Самогонное озеро	805
Шансон д'Этэ	810
День нашей жизни	814
Золотистый город	818
Беспокойная поездка	832
Тайны Мадридского двора	834
Как разбился Бузыгин	837
Лестница в рай	840
Налет. (В волшебном фонаре)	842
Сильнодействующее средство	847
Спектакль в Петушках	850
Часы жизни и смерти	852
Электрическая лекция	854
Торговый дом на колесах.	856
Белобрысова книжка	859
Просвещение с кровопролитием	863
Площадь на колесах	864
Говорящая собака	866
Повесили его или нет?	869
Москва 20-х годов	872
Рассказ Макара Девушкина	882
Брюки и выборы	882
Сапоги-невидимки	884
Охотники за черепами	886
Приключения покойника	889
Заседание в присутствии члена.	891

Главполитбогослужение	894
Как школа провалилась в преисподнюю	895
На каком основании Десятник женился?!	897
Пивной рассказ.	897
Как, истребляя пьянство, председатель транспортников истребил!	899
Брачная катастрофа	902
Сотрудник с массой, или Свинство по профессиональной линии.	903
Три копейки	905
Египетская мумия	906
Игра природы	908
Колыбель начальника станции.	911
Рассказ про Поджилкина и крупу	912
Библифетчик	913
По голому делу	915
Стенка на стенку	915
Новый способ распространения книги.	918
Повестка с государем императором	919
Смуглявый матерщинник	920
Обмен веществ	921
Война воды с железом	923
Рассказ рабкора про лишних людей	925
Гибель Шурки-уполномоченного	926
Звуки польки неземной	927
Банан и Сидараф.	929
«Ревизор» с вышибанием.	931
По телефону	933
Целитель	936
Аптека	937
Заколдованное место	938
Круглая печать	940
Гениальная личность.	942
Коллекция гнилых фактов	944
Залог любви	945

Они хочуть свою образованность показать...	948
Чертовщина	950
Мадмазель Жанна	952
Кондуктор и член императорской фамилии	954
Неунывающие бодистки	956
С наступлением темноты.	957
Праздник с сифилисом.	959
Банщица Иван	961
О пользе алкоголизма	963
Как Бутон женился.	966
Смычкой по черепу	968
«Шпрехен зи дейтч?»	970
Угрызаемый хвост	971
Двуликий Чемс	973
Запорожцы пишут письмо турецкому султану	975
Работа достигает 30 градусов	977
При исполнении святых обязанностей.	980
Человек с градусником	982
По поводу битья жен	984
Негритянское происшествие	986
Путешествие по Крыму	987
Когда мертвые встают из гробов...	1001
Кулак бухгалтера	1004
Как на теткинны деньги местком подарок купил	1006
Таракан	1008
Пожар	1014
Летучий голландец	1016
Благим матом	1017
Не те брюки	1018
Страдалец папаша.	1020
Мертвые ходят	1022
Динамит!!!	1023
Горемыка Всеволод	1025
Сентиментальный водолей	1027

СОДЕРЖАНИЕ	1087
«Вода жизни»	1030
Паршивый тип	1033
Чемпион мира	1036
Тайна несгораемого шкафа	1039
Музыкально-вокальная катастрофа	1044
Радио-Петя	1047
Пьяный паровоз.	1050
«Развратник»	1052
Колесо судьбы.	1054
Бубновая история	1057
Воспаление мозгов	1062
Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева	1067
<i>Светлана Голова</i> . Антракт на оставшиеся века	1074